

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ТОПОТ

ШАХМАТНЫХ

ЛОШАДОК

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Топот шахматных лошадок

«Автор»

2005

Крапивин В. П.

Топот шахматных лошадок / В. П. Крапивин — «Автор»,
2005 — (Великий Кристалл)

ISBN 5-699-16070-1

На одной из граней Великого кристалла крутится колесо Гироскопа – стабилизатора медленно растущего пространства Институтских дворов, куда нет входа злу, насилию и прочим мерзостям. Попытка воздействовать на Гироскоп с целью быстро увеличить территорию «пространства добра» терпит неудачу... И все, что остается героям романа «Топот шахматных лошадок», – постараться сделать так, чтобы колесо никогда не останавливалось.

ISBN 5-699-16070-1

© Крапивин В. П., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Первая часть	5
«И сказал людоед...»	5
Самолетки	9
Чужая боль	17
Шахматные лошадки	24
Больница скорой помощи	30
Новые встречи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владислав Крапивин

Топот шахматных лошадок

Роман-хроника Институтских дворов

Первая часть

Треугольная площадь

«И сказал людоед...»

С некоторых пор у шестиклассницы Белки Языковой стало иногда появляться странное ощущение. Вдруг казалось ей, что окружающее пространство на миг затвердело и с металлическим звяканьем прогибается то в одну, то в другую сторону. Словно лист из упругой жести. Такие листы всегда чуть изогнуты; надавишь, и – дзынь! – твердая плоскость превращается из выпуклой в вогнутую. Или наоборот. Как обширный противень, на котором мама печет в газовой духовке пироги с картошкой.

Однако Белка понимала, что сравнение это очень приблизительное. Во-первых, объемное и обширное пространство не похоже на плоскость из тонкого металла. Во-вторых, звяканье, с которым оно прогибалось, было бесшумным. В-третьих, противнем сколько ни щелкай, в окружающем мире ничего не изменится. А когда в ушах (или где-то внутри, или просто в душе) вдруг раздается неслышное, но осязаемое «дзын-нь» и все вокруг на полсекунды делается щекочущим и зыбким – это знак, что случится *событие*. Не обязательно важное и заметное, но необычное. То прокатится по вечернему небу яркий метеор, то по телеку вдруг покажут необъявленный в программе фильм «Гори-гори, моя звезда», то после короткого майского ливня засияет над невысокими крышами небывалая тройная радуга, а сами крыши сделаются золотыми (и неожиданно придет откуда-то незнакомая большая собака, понимающе помашет хвостом, сядет рядом и вместе с Белкой станет смотреть на чудо). Или приснится под утро сон, который не запомнится, но оставит ощущение неведомой страны, смутно различимой сквозь чашу цветущих веток...

Надо сказать, что Белка не была мечтательницей и фантазеркой. По крайней мере, снаружи. Но внутри, видимо, все-таки была – как и большинство девочек (да и мальчишек тоже). И поэтому к «звяканью» пространства относилась всерьез. Каждый раз ожидала *события*. И сегодня с утра – тоже.

Однако ничего интересного не случилось.

Нельзя же отнести к *таким* событиям разговор с мамой о летних планах.

Мама была рослая, широкоплечая, с густыми бровями. Порой она выглядела грозно, особенно если подбоченивалась и брови сводила к переносице. Папа в такие минуты казался перед ней кузнечиком. Но все равно он маму не боялся. И Белка не боялась. Никогда. И сейчас в ответ на мамины увесистые аргументы она заявила:

– Я же сказала: не по-е-ду... – Причем звучало это так, словно Белка собиралась добавить легкомысленное "ля-ля-ля".

Мама попыталась огреть ее полотенцем. Жест носил символический характер, и Белке не стоило труда увернуться. Она сделала это, попутно ухватив с тарелки маслину (осталась от папиного завтрака, а сам он уже укатил на работу).

– Элизабетта!

- Что, мамочка?
- Ты моя погибель, вот что! И папина...
- Не-а. Я образцовый ребенок. Просто я не хочу *туда* ...
- Это глупо! Ты упряма как... как...
- Как старая коза?
- Вот именно!.. Такие возможности! Тетя Рита обещала оплатить дорогу и прилететь за тобой, как и в прошлый раз! Она тебя так любит!
- Тогда пусть лучше придет наличными. Мы купим цветной принтер.
- Ты бессовестная и циничная девица!
- Ага. И погибель. И коза...
- Другие девочки на твоём месте с ума сошли бы от счастья!
- Ага, все Яны и Кристины. И даже Ксюша Подушкина... Но я-то уже была *там*!
- Ты была зимой! Всего полторы недели! А сейчас там чудесно!
- Что чудесного? В Канаде тот же климат, что у нас.
- Зато экология не та! И леса, и озера... И вообще иной мир! Дядя Валентин обещал свозить тебя на машине в Штаты. Может быть, даже в Нью-Йорк.
- Дядя *Валентайн* ...
- Не паясничай!
- Я боюсь лететь.
- Что за чушь! Все говорят, что самолеты этой компании совершенно надежны!
- А почему тогда пассажиры при взлете и посадке читают "Отче наш"?
- Это... традиция, вот и все.
- Везде традиции. Сплавливать детей куда-нибудь из дома на каникулы – тоже традиция. Хороший тон. "Ах, вы знаете, наша дочь отдыхала у родственников в пригороде Торонто"...
- Мама опять взяла полотенце. Белка поправила очки, бросила в открытое окно косточку маслины и скрестила руки с видом готовой пострадать мученицы.
- Мама огрела полотенцем газовую плиту.
- Я тебя не понимаю!
- А я, мамочка, тебя. То ты боишься отпустить меня без мобильного за три квартала, то готова загнать на другое полушарие. Ну, ни-ка-кой логики.
- Полная логика! Там в тысячу раз безопаснее, чем в этих наших кварталах! Лидия Даниловна рассказывала, что вчера на улице Пестеля опять...
- А Лидия Даниловна помнит, что началось за границей, когда меня отправили туда на Рождество? В Индийском океане цунами! В Европе ураганы! Всю Англию залило, даже до Петербурга докатилось!
- При чем здесь Канада! Там не заливает и не трясет!
- Там будет трясти *меня*. От ихнего образа жизни.
- Белка нарочно вернула неправильное слово «ихнего», чтобы перевести разговор на другие рельсы. Мама – заведующая кустовым управлением библиотек – всегда тщательно следила за нормами литературного языка. Брякнет Белка что-нибудь вроде «клёво» или «прикид» (чаще всего нарочно) – и началось воспитание. Но на сей раз мама не попала на крючок. Видимо, даже не заметила.
- Ты просто не умеешь быть благодарной. Тетя Рита изумительная женщина.
- Она, конечно, изумительная. Да я-то злыдня. Я не могу, когда она: "Бэллочка, ступай переоденься к ужину. Бэллочка, почему ты так редко улыбаешься? Девочка моя, спустись в холл, там опять пришел твой бойфренд"...
- Маргарита Степановна Языкова, папина сестра, волею судьбы десять лет назад оказалась замужем за жителем Канады Валентайном Дюма (полуирландцем, полуфранцузом). И очень скоро полностью вписалась в уютный быт обеспеченного западного семейства. Честь ей

и хвала. И дяде Валентайну, однофамильцу знаменитых писателей, – тоже (хороший мужик). Вот только детей у них почему-то не было. Поэтому российскую племянницу они окружили всяческой любовью. Но почему надо все время ходить с улыбкой и то и дело переодеваться – к завтраку, обеду, ужину?.. Хотя, по правде говоря, было там совсем неплохо. И даже «бойфренда» Мишеля она вспоминала без досады.

Это был сын соседей, на полгода старше Белки. «Бойфрендом» он объявил себя с первого дня знакомства (сперва полушутя). Других ребят поблизости не было, поэтому поневоле закатачили. Ходили на лыжах, ездили с дядей Валентайном к Ниагаре, болтали по вечерам. Мишель говорил по-английски и по-французски, Белка в английском ни бум-бум, а французский учила с первого класса и потому кое-как объяснялась. И обучала Мишеля русским фразам. Он был ничего, не дурак, только слишком тонкошей, причесанный и воспитанный. Но в конце концов оказалось, что воспитание воспитанием, а... В общем, однажды вечером, когда остались в комнате Мишеля вдвоем перед телевизором, тот (Мишель, а не телек), начал все так же вежливо объяснять, что у них, в здешнем краю, отношения между "бойфрендами и их девочками" бывают не только словесные, но обретают вскоре "более осязаемую форму".

Не теряя времени и не проявляя смущения, Мишель вознамерился продемонстрировать, что это за формы.

"Ты что с катушек съехал? Убери лапы", – сказала Белка.

Мишель по-русски почти не понимал и лап не убрал, наоборот...

О-о, какое трескучее эхо российской пощечины сотрясло респектабельный канадский особняк и, кажется, докатилось до берегов Онтарио! Бойфренда отнесло с мягкой скамейки на пол, под пушистую елку, на которой судорожно запрыгали стеклянные шары и санта-клаусы. Надо отдать Мишелю должное, он не потерял самообладания. Посидел, потер щеку и высказался в том смысле, что, очевидно, девочка не созрела для перехода к новому этапу отношений. Белка с трудом, но поняла. И сообщила опять же по-русски, что сейчас Мишель созреет и перезреет как кривой огурец на навозной грядке.

– Пожалуйста? – сказал тот, продолжая поглаживать щеку. В переводе на нормальную речь, это означало: "Повтори, я не врубился".

Белка, старательно подбирая слова, повторила по-французски (правда, слово «перезреет» не вспомнила и сказала "лопнет").

– О нет, – отозвался Мишель. – Это не есть правильный финаль...

Они не поссорились. И вполне по-приятельски попрощались, когда через три дня Белка отправилась домой. И потом случалось даже, что переписывались по е-мейлу (Белка – в основном для тренировки в языке). Но встречаться с неудачливым бойфрендом Белку вовсе не тянуло.

И вообще не тянуло в Канаду.

Почему?

Конечно, она и вправду побаивалась лететь опять через океан, но не так уж сильно. И к образу жизни в доме Дюма она к концу зимних каникул вполне притерпелась (хватило юмора). И понимала, что там ожидает ее немало интересного. Но... что-то необъяснимое (такое же необъяснимое, как звонкие щелчки пространства) заставляло говорить «нет». Словно кто-то шептал: "Не надо, Белка. Удешь – многое потеряешь". Шепот был неясный, и при желании ничего не стоило отмахнуться. Но... желания не было.

Чтобы мама не заподозрила ее в странных настроениях, Белка надула губы:

– Мы же хотели все вместе в Питер. Или даже в Вильнюс...

– Но ты прекрасно знаешь, что папа до осени не может! Сейчас наконец-то появилась возможность спасти завод от банкротства, получить новые заказы! Это реальный шанс! Все инженеры остались на местах!

– Подумаешь, шанс. Кому нужны радиозонды российского производства.

– Не зонды! Есть возможность освоить выпуск строительных конструкций. Как раз идет наладка новых технологий. – Мама была в курсе дел своего супруга.

– Ага! Как переделывать летучие шары в бетонные панели... В "элизобетонные"...

– Не суди о том, чего не понимаешь! И... надо пожалеть отца, он работает на износ! Я не могу оставить его в такую пору.

– Ну и я не могу! – героически сообщила Белка.

– А ты *сможешь*. Как раз, чтобы помочь папе. Он станет лучше работать, если будет знать, что у дочери нормальные каникулы. Имей в виду: если не Канада, то путевка в летний лагерь «Песчаный мыс». На две смены. У меня есть возможность...

– Еще не хватало! В этот заповедник для дебилов!

– У тебя все дебилы, кроме тебя самой!.. Лидия Даниловна говорила, что племянник ее соседки в прошлом году отдыхал там все лето и очень доволен. Там прекрасная, веселая коллективная жизнь.

– Ага. Особенно после отбоя...

– При чем здесь отбой? Ты опять какую-то чушь...

– По-моему, ты мечтаешь о подарке к Восьмому марта.

– К... каком подарке? Что опять за фокусы?

– Такие фокусы. Лидия Даниловна не рассказывала? А Восьмое марта как раз через девять месяцев...

– Элизабетта!!

– Да, мамочка?

– Ты... даже не соображаешь, какое ты бессовестное существо!

– Здравствуй! – Белка сняла очки, чтобы мама лучше увидела изумление в ее взоре. – Разве это я хочу в тот «Песчаный мыс»?

– По-нят-но... А к тете Рите ты, может быть, все же захочешь?

– Нет.

"Но сказал людоед: нет", – процитировала мама Корнея Чуковского. Так она всегда кончала разговор, если понимала: уговаривать дочь категорически бесполезно. – Сгинь с моих глаз.

– Ага... Мамочка, я тебя люблю. Я сгину не надолго, в книжный магазин на улице Строителей. Я вчера там видела "Вино из одуванчиков" Брэдбери. Денег не хватило, оно стоит девять носто два рубля. Ты мне дашь десятку?

– У тебя же есть эта книга!

– Была. Ее зажала Подушкина. Главное, читать не стала, говорит: неинтересная. И поселя где-то... А та, что в магазине, красивая такая, с рисунками...

– Возьми в ящике пятьдесят рублей. Купишь по дороге батон и два пучка лука.

– Мамочка, ты чудо!

– А ты чудовище.

– Это слова одного корня.

– Ты собираешься в город в таких драных спортивных штанах?

– Что ты! Я буду как картинка из журнала "Бурда моден"!

– И причешишь. Бурда...

Самолетики

Белка надела пышную, как абазур, юбку в крупную клетку. Черно-красно-коричневую, с множеством складок. Натянула пестрые гольфы и ярко-зеленую майку с отпечатанным на ней черным всадником в латах. Готическая подпись ниже всадника извещала, что он – IVАННОЕ (то есть «Айвенго»). Книжку про этого рыцаря Белка считала занудной, но картинка ей нравилась.

В прихожей Белка бросила на плечо лямку холщовой сумки с большими буквами DL (непонятно, что они означали). Крутнулась перед зеркалом. Ничего... Папа как-то сказал, что в таком наряде дочь похожа на длинноногого шотландского мальчишку. Белка фыркнула и возразила: пусть лучше шотландские мальчишки считаются похожими на нее. Папа согласился, что можно и так, жаль только, что юные земляки Вальтера Скотта про такой вариант не знают. Белка сказала, что это их беда, а не ее... Сейчас она с усилием расчесала короткие жесткие волосы (и неправда, что рыжие! – коричневые с бронзовыми проблесками), застегнула сандалетки (кроссовки Белка терпеть не могла, в отличие от своих одноклассниц – Ян и Кристин), поправила большие квадратные очки. То есть чуть-чуть перекосила их – так выглядит артистичнее. И оглянулась на кухонную дверь:

– Ма-а! Я топ-топ!...

– Телефон взяла?

– Да куда же я без этой гири на шее!

Старенький мобильник «Нокия» был не на шее, а в одном из карманов, спрятанных в юбочных складках (и юбку слегка оттягивал).

– Не забудь про батон и лук!

– Конечно, не забуду! Иначе ты погонишь меня специально!

– Разумеется! – обнадежила мама.

Семейство Языковых обитало в двухкомнатной квартирке на четвертом этаже древней хрущевки. В глубине заросшего кленами квартала. Рядом стояла еще одна такая же пятиэтажка, а другие дома вокруг были поменьше, в два и три этажа, а некоторые – вообще старина: приземистые, с резьбой и палисадниками. Улица называлась Библиотечная, хотя ни одной библиотеки на ней не было (папа говорил, что название – в мамину честь).

Библиотечная улица, конечно, вовсе не центральная, хотя и не окраинная. Так, что-то среднее. Улица Строителей, где книжный магазин, такая же. И находится она не так уж далеко. Но это если бы шагать по прямой. Однако по прямой было нельзя. На полпути лежала закрытая территория, которую местные бабки называли "Госпитал~~я~~". До революции там был монастырь, потом какие-то фабрики и склады, а во время войны с Германией это место заняли военные медики. И с той поры там остались. Позанимали под лечебные корпуса и лаборатории все строения, отхватили еще часть земли и зданий у соседнего института Физики, позапирали все ворота и калитки в тяжелой монастырской стене и поставили у них часовых. Тетушки в окрестных кварталах шептались, что в Госпитал~~ях~~ не только лечат больных солдатиков и офицеров, но делают какие-то хитрые опыты. Скорее всего, врал. Но так или иначе, а чтобы попасть, например, от Каменного моста через Иртушку к Парковой роще, приходилось топать в обход – или по Институтской улице, или вдоль длинной решетки в Музейном проезде.

За решеткой стоял могучий собор с похожими на русские шлемы куполами. До недавнего времени в соборе располагался Областной музей. Белкин класс (тогда еще третий "А") ходил сюда на экскурсию. Потом епархия отвоевала собор у городских властей. Но не весь. Часть экспонатов там осталась, потому что даже при большом уплотнении в двухэтажное музейное здание, стоявшее рядом, они не влезли. Между церковным начальством и дирекцией музея

шли по этому поводу постоянные споры, о которых иногда писала городская газета. Мнение газеты сводилось к тому, что собор следует полностью отдать епархии, а для музея построить новое просторное здание. Городские власти соглашались. Музей, однако, не строился, а строились многоэтажные офисы и узорчато-стеклянные дачи для высоких чинов.

Одна такая дача, кстати, прилепилась к сложенной из кусков гранита стене, рядом с приземистой монастырской башней. Дача называлась «Генеральская». Ее, окруженную глухим забором, тоже приходилось огибать по немощеной, раскисающей при дожде дорожке.

Впрочем, жители не роптали, привыкли.

Белка тоже не роптала. Тем более, что погода стояла чудесная, над заборами обвисали гроздья сирени, в газонах горело желтое мелкоцветье. Теплый, как дыхание доброй лошади, ветерок обдувал колени и руки, шевелил упругие прядки. На краю оправы очков, где металлическая скрепка, уселся искристый зайчик, покалывал глаз и не желал спрыгивать, хотя Белка отмахивалась от него. "Ладно уж, сиди", – наконец сказала она.

Хулиганисто брызгая на тротуары, проехала поливальная машина. Редкие прохожие несердито заругались ей вслед, а Белка замахнулась сумкой, тоже несердито.

Она перешла Каменный мост. Иртушка празднично поблескивала и пахла сегодня не отходами фабрики «Полимер», а мокрой травой. За мостом, на улице Рылеева, надо было решать: идти налево, к Институтской, или направо, к Музейному? Прежде, чем решить, Белка глянула прямо. Просто так, по привычке. Улица Рылеева пересекала Первомайскую и заканчивалась через квартал – упиралась в длинное двухэтажное здание старинного вида с похожими на бойницы окнами. Здание было пыльно-желтого цвета. Разделяя это строение пополам, подымалась над ним широкая граненая башня с зубцами. Тоже пыльно-желтая. В детсадовские времена Белка думала, что это старинная сказочная крепость. Потом ей объяснили, что башня – бывшая надвратная церковь монастыря, у которой в советские времена снесли купол. Белка считала, что в таком виде башня смотрится даже лучше – похоже на рыцарский замок (хотя сносить купола, конечно, свинство).

Впрочем, сейчас Белка ни о чем таком не размышляла, глянула машинально, зная, что увидит давно знакомую перспективу. И увидела. И... Вернее, не «и», а «но». В перспективе Белкин глаз ухватил непривычную деталь. Зеленые полукруглые ворота, наглухо запертые во все времена, оказались на сей раз открыты. Одна створка была отодвинута напрочь, во второй оказалась распахнута калитка.

Никогда в жизни Белка не видела, *что* там, внутри, за башней. Ясно, что ничего особенного, но все-таки... То, что не видел *никогда*, обязательно притягивает любопытного человека. Белка не считала себя очень любопытной, но и равнодушной не была. А сегодня – тем более. Она ведь помнила, как рано утром ощутила упругое «дзын-нь» пространства. Значит, вполне могло случиться *что-то*.

Белка перебежала Первомайскую, прошагала мимо вековых тополей у Сельхозтехникума (тоже старинного, с колоннами и каменными масками над окнами), обогнула три скульптуры в длиннополых гранитных шинелях (памятник декабристам), миновала кафе-стекляшку «Ливерпуль» и оказалась в десяти шагах от ворот.

Из ворот вышли две тетушки с кошелками. По виду – явно не военные медики, а домохозяйки, спешащие домой с Грушевского рынка. Потом выскочил пацаненок дошкольного размера, проволока мимо Белки на веревке сооружение из пивных банок и пластмассовых колес (оно погромыхивало). За ним вышла ветхая старушка в зимней шали и с клюкой, похожей на посох пилигрима.

Белка шагнула навстречу.

– Бабушка, разве проход здесь сейчас открыт?

– Что, милая? А, проход... – Старушка лучилась добротой. – Да он, моя хорошая, тут еще с осени открыт. Как госпиталя уехали, все и ходют. И на рынок теперь, и ко внукам мне стало рукой подать. А то ведь раньше-то бредешь, спотыкаешься, особенно после дожжика...

Белка терпеливо дослушала, чтобы ненужным раздражением не спугнуть придвинувшееся *что-то*. Сказала спасибо и прошла под нависшими сводами, от которых сильно пахло застарелой каменной сыростью. И сразу опять стало сухо, солнечно, тепло.

И странно...

Хотя, в чем странность, Белка сперва не поняла.

Лежала перед ней не то улица, не то площадь. Широкая здесь, в начале, и сходящаяся клином в дальнем конце. Там, вдали, стояла башня, но не такая, как над воротами, а тонкая, кирпичная, со стрельчатыми арками и редкими окнами. Скорее всего, водонапорная, хотя было в ней что-то от средневековья. Да и от всего, что вокруг, веяло стариной. Справа плотно друг к другу выстроились каменные и деревянные дома в один-два этажа – с балконами, крылечками, решетками. Пестрели вывески и витринные навесы магазинчиков, мастерских, парикмахерских. Было похоже на декорацию к пьесе про уютный городок прошлых веков. "И когда, и откуда все это здесь появилась?" – подумала Белка. Но мельком. Потому что взгляд сам собой переехал влево. А там... там было не так. Вдоль всей площади высились массивные кирпичные здания.

Впрочем, «высились» – неточное слово. Были они трех – или четырехэтажными. Однако этажи – не в пример тем, что у домиков правой стороны. Виделась в них такая столичная масштабность, академичность, словно это были музейные или университетские корпуса... Солнце падало на красные стены рикошетом и отчетливо лепило архитектурный рельеф: карнизы, арки, сложенные из кирпичей узоры, полуколонны, оконные углубления.

Стояли эти здания вплотную друг к другу, и можно их было принять за одно строение, но нет – все же это были разные дома. Они отличались высотой, формой окон (то узких, прямоугольных, то широких, полукруглых. У некоторых вдоль первых этажей тянулись массивные каменные галереи...

"Ну и ну..." – сказала про себя Белка, ощущая почтительное и осторожное любопытство. Машинально глянула назад. Как и ожидалось, сзади были ворота под башней и площадь замыкал двухэтажный госпитальный дом. Только здесь он казался гораздо длиннее, чем с улицы Рылеева. Убедившись, что ворота на месте и по-прежнему открыты, Белка потрянула головой, поймала очки и шагнула из синей тени башни на желтое солнечное пространство.

Пространство было вымощено выпуклыми булыжниками. Среди них росла сероватая кашка и стебельки с какими-то бордовыми цветами-шариками. Тонкие лиловые тени от них тихо шевелились – потому что шевелился над нагретыми камнями воздух.

Отчетливо пахло скошенной подсыхающей травой. Это было странно и... знакомо. Странное в том, что нигде не было видно лужаек и газонов (да и не время еще косить траву). А знакомое – Белка не могла понять, что именно. Однако хорошее, давнее такое...

И лежала тишина.

Она тоже казалась удивительной. Ведь звенели неподалеку ребячьи голоса, пробренчал где-то на Первомайской трамвай, играла в какой-то мастерской музыка, даже прокричал за домами петух – и не просто прокричал, а словно внутри громадного ящика из тонкого стекла. Но эти звуки не раздвигали тишину, и она была здесь главная.

Подчиняясь тишине и странности, Белка осторожно ступала по булыжникам. Впереди так же осторожно ступала синяя тень – совсем короткая, потому что солнце забралось уже на полную высоту, близко к полудню. Оно грело сквозь футболку Белкины плечи.

Изредка встречались прохожие. Все такие же тетушки с кошелками. На Белку и перед собой они смотрели без интереса, для них здесь все было привычно. Перебегали от магазинчика к магазинчику мальчишки и девчонки. Прошагал деловитый дядька, он держал на плече

плоский ящик с листами стекла. От стекол разлетались солнечные зайчики. Один прыгнул к Белке и опять уселся на оправе очков.

На середине площади, там, где она уже изрядно сузилась, подымалось непонятное сооружение: здоровенный каменный треугольник над широкой круглой площадкой полуметровой высоты. "Солнечные часы!" – сообразила Белка. На бетонной площадке чернели выложенные разноцветными камушками деления и всякие фигуры – знаки зодиака. Слева от каменного треугольника (похожего, кстати, на застывший парус) неподвижно сидела на солнцепеке черная кошка.

Она была гладкая и такая неподвижная, что казалась отлитой из чугуна. Будто украшение для этих часов. Но, чутко уловив девчонкины шаги, кошка встала, изящно выгнула спину, прыгнула с уступа и не спеша перешла Белке путь. Потом, шагов с пяти, оглянулась – кажется, с ехидцей. Глаза ее были изумрудные, а по шерсти скользили блики.

– Ну и фиг с тобой, – без всякой досады сказала ей Белка. – Думаешь, я тебя боюсь?

Кошке, видимо, это понравилось. Она вернулась, потерлась усатой щекой о Белкину ногу и вопросительно глянула снизу вверх. Белка осторожно погладила ее.

– Мр... – снисходительно сказала кошка и пошла по своим делам. А Белка по своим – искать выход на улицу Строителей.

Сначала она думала дойти до конца площади-улицы, где стояла водонапорная башня. Но, поглядывая по сторонам (с прежним осторожным любопытством), она вдруг увидела, что слева, между трехэтажными кирпичными зданиями, есть проход. Куда он вел, непонятно. Если судить по расстоянию, то там, сразу за этими «академическими» корпусами, должна проходить Институтская улица. "Но непонятно, почему с той улицы корпусов этих я никогда не видела, только всякие заборы?" – подумала Белка. Она вдруг опять вспомнила утреннее "звяканье пространства". Любопытство в ней сделалось менее осторожным и более напряженным. Белка повернула налево и вошла в тесный проход.

По сторонам воздвиглись глухие стены. Белка была готова, что здесь ее встретит зябкая прохлада и запах старых кирпичей, но по-прежнему сухо и тепло пахло скошенной травой. Навстречу тянул ветерок. Вверху узкой полосой синело над стенами небо. Полоса изгибалась, потому что изгибался проход. И после плавного поворота Белка увидела двух мальчишек.

Им было лет по восемь-девять. Один – будто с открытки: со светлыми локонами, в парусиновом костюмчике с вышитыми там и тут якорями, в белых носочках и похожих на Белкины сандалетках. Другой – с темной щеткой волос, в обвисшей трикотажной одежде, которую будто нашли на угольной куче, босой и неумытый. (У Белки почему то сразу придумалось для него прозвище – "Чебурек".) В общем, совершенно разные пацанята. Но делом своим они занимались дружно. Дело было такое – натянули поперек прохода бельевую резинку и теперь привязывали ее конец к вделанному в кирпичи кольцу. Молча и умело.

Резинка тянулась над землей неудобно для Белки. Перешагивать – высоко, нагибаться неловко как-то. Она остановилась.

– Можно, я приподниму резину?

Ребята разом глянули на нее. «Чебурек» выпрямился, подошел, вздернул тугую полоску выше головы.

– Проходи, пожалуйста.

Голос был чистый и высокий. И это "проходи, пожалуйста", сказанное с готовностью, без намека на мальчишечью ершистость, было для Белки неожиданностью. Белка даже почувствовала себя слегка виноватой: помешала людям. Быстро проскочила под резинкой, потом оглянулась.

– А вы что это делаете? Игра такая, да?

– Ну да! Аэропланчики запускаем, – отозвался мальчик с якорями (тоже охотно и звонко). – Вот... – Он мотнул разлетевшимися локонами. Неподалеку лежали на булыжниках

три модели самолетиков. Сантиметров пятнадцать длиною. Белка подошла, присела. Сделаны самолетики были очень просто: в расщепленные бамбуковые лучинки вставлены крылья и стабилизаторы из тонкого прозрачного пластика. На носу грузик – видимо из смолы. В него вделан крючок из канцелярской скрепки.

Белка поправила очки.

– И что, хорошо летают? – спросила она.

– Еще как... – скромно похвастался мальчик с якорями. Потом удивился: – Ты разве никогда не видела?

– Никогда... – Белка опять ощутила виноватость.

Чебурек подскочил, схватил самолетик.

– Тогда смотри! – Эхо от звонкого вскрика промчалось по кирпичной тесноте. А мальчик выскочил на середину прохода. Зацепил аэропланчик за резинку крючком, сделал несколько шагов назад, оттягивая самолетик на себя. Замер...

– Раз, два, три! – Эхо опять толкнулось в проходе. Чебурек выпустил самолетик. Резинка рванула маленькую модель вперед, та помчалась, набирая высоту.

Белка сжалась, думая, что самолетик врежется в кирпичи. Ведь узкий проход в пяти шагах изгибался! Но самолетик, следуя изгибу, сделал поворот и скрылся за кирпичным выступом.

Казалось бы, мальчишки должны были с криком ура кинуться следом. Но нет. Сперва мальчик с якорями тоже запустил самолетик, и потом оба приятеля уже помчались по проходу. На полпути оглянулись на Белку, словно приглашая. И она побежала за ними, навстречу теплему ветру. Наверно, не очень-то солидно было ей, почти семикласснице, безоглядно вступать в такую вот малышовую игру, но мысль об этом мелькнула, как мгновенная усмешка. Главное – что там впереди! ("Дзынь!" – сказал звонкий металл пространства.)

Метров через десять проход вывел... куда вывел? Это было опять неожиданно и непонятно. Не то двор, не то маленькая площадь. Ее снова обступали кирпичные дома, но обступали уже не длинными стенами, а узкими торцами и закругленными углами, похожими на высокие крепостные бастиионы. Поэтому у площади (или двора?) была форма неправильного многоугольника. Под ногами – уже не булыжники, а неровные гранитные плиты, среди которых цвела аптечная ромашка... Но Белка все это увидела мельком. Она сразу зацепила глазами два самолетика. Их крылышки искрились, как у стрекоз. Самолетики на большой высоте, под очень синим небом с одиноким пушистым облаком шли друг за дружкой по кругу. Постепенно снижались. И наконец мальчишки на лету взяли их в руки. Опять оглянулись на Белку.

– Ну, просто чудо, – сказала она. – Я и не думала, что они могут так.

– Потому что здесь особые воздушные потоки, сказал мальчик с якорями. Эти потоки и правда с пушистой теплотой уходили вверх от нагретых солнцем плит.

– Можно я подержу аэропланчик, – попросила Белка.

– Подержи, – Чебурек протянул ей модель-малютку, а сам вдруг зачем-то побежал назад. Его дружок, не удивился, не окликнул. Белка покачала почти невесомый самолетик на ладони и спросила у мальчика с якорями.

– А как это все называется? – И махнула вокруг себя рукой. – Улица, площадь... Я здесь никогда не была...

– Это все называется "Институтские дворы", – обстоятельно объяснил мальчик. – Потому что сейчас здесь Институт альтернативной физики и математики. Вон там философский факультет, а там библиотека. – Взрослые слова он выговорил отчетливо, без запинки, и даже как-то по-хозяйски.

Послышался мягкий топот, это прибежал босой Чебурек. С третьим самолетиком. Протянул его Белке.

– Возьми, если хочешь.

Белка... поняла, что она да, хочет. Даже очень. Казалось бы, зачем? Но... ("Дзын-нь...") Она глянула на мальчика с якорями: "Можно?"

– Конечно, – сказал он. Белка очень осторожно опустила самолетик-стрекозу в сумку.

– Но имей в виду: в других местах он так хорошо летать не будет. Только здесь, – предупредил Чебурек своим звонким голоском. Это "имей ввиду" опять же не вязалось с внешностью беспризорника, и Белка улыбнулась. Про себя. И спросила:

– А Институтская улица... она где? Ведь недалеко где-то, да?

Мальчики переглянулись. Чебурек даже слегка пожал плечами. Но тот, что с якорями, вытянул руку.

– Кажется, надо идти туда. Под арку с фонарем...

– Спасибо, – сказала Белка за все сразу: и за самолетик, и за встречу, и за совет. И подумала, что надо бы сказать что-то еще. Может быть, что она будет приходить *сюда*, чтобы пускать самолетик. Но увидела, что ребята уже уходят. Они уходили к проходу, из которого недавно вышли. И не оглядывались. Шли рядышком – совершенно разные и... в чем-то очень похожие. И скрылись в тени кирпичного коридора. Белка вздохнула и пошла искать арку с фонарем.

Узкую арку среди вертикальных кирпичных выступов она разглядела почти сразу. Над ней висел старинный кованый фонарь. Но Белка не пошла под арку сразу. Слева от себя, низко от каменных плит она увидела два сводчатых окна, в которых мерцали за темными стеклами еле различимые лампочки. Любопытство потянуло Белку к окну, словно за уши. Почудилось, будто там, внутри, что-то необычное. Еще необычнее, чем здесь, вокруг. Белка оглянулась – никого. Она раздвинула коленями жесткую траву и прижалась носом к прохладному стеклу (которое, кажется прогнулось, как лист звонкого пространства).

За стеклом было полутемное обширное помещение со сводчатым потолком. Желтые лампочки слабо освещали могучие книжные стеллажи (видать, и вправду библиотека). Между стеллажами тянулся очень длинный, отражающий лампочки стол. На концах стола возвышались два громадных глобуса в поблескивающих медных кольцах. Конечно же, старинные! Конечно же, *такие, как там!*..

То, что до этой минуты вспоминалось смутно, намеками и запахами, теперь подошло вплотную, стало отчетливым. Белка вспомнила Вильнюс. Как она с папиным знакомым дядей Владисом ходила по средневековым университетским дворам и в высоте плыли между облаков башни соборов. Было пустынно и таинственно среди дышавших стариной стен, под арками и сводами, на стертых ступенях лестниц. Большущие глобусы поблескивали в полумраке читального зала, куда на минуту дядя Владис привел Белку. Росли между плит редкие мелкие цветы, темнели древние железные фонари. И на всем лежала спокойная загадочность удивительного города. Лежала ощутимыми пластами, через которые Белка шла, как сквозь плотный, загустевший воздух.

И так же, как сейчас, пахло скошенной подсыхающей травой. Так же казалось это странным, потому что нигде такой травы не замечалось...

Нет, здешние кирпичные громады не были похожи на здания и храма Вильнюса. Но ощущение было *тем же самым*.

Белка постояла у окна, озадаченно трогая очки и улыбаясь. Оказывается, вон *сколько всего* скрывалось на этой вроде бы небольшой территории бывших госпиталей. Непонятно, немного тревожно почему-то и... хорошо.

Белка зашагала под арку. Надо все-таки заниматься делами, а сюда она еще вернется. Лишь бы не пропала та странность, которая окружала ее сейчас.

За аркой в самом деле оказалась улица. Но не Институтская. На табличке крайнего дома Белка прочитала: «Ул. Дальнопольнская». Сроду она не слыхала о такой! Белка постояла опять,

удивляясь тому, что не очень удивляется. Теперь было ясно: *такое*, которого она ждала, случилось. Или *начало случаться*.

Белка огляделась. Дома здесь были в основном двухэтажные, деревянные. Обычные. Но... не совсем. Вместе они будто создавали заповедник деревянного зодчества. Столько было на них резных наличников, карнизов, балкончиков, накладных узоров на воротах, мезонинов с хитрыми окошками. Особенно удивительным показался Белке карниз под крутой крышей, состоявший из вытянувшихся в ряд деревянных масок. Все маски были разные: смеющиеся и плачущие, клоунские и пиратские, добродушные и злодейские. Были даже звериные... Когда взгляд скользил по карнизу, казалось, что вырезанные из дерева лица перемигиваются, шевелят губами, переговариваются беззвучно.словно разыгрывался загадочный, непонятный для посторонних спектакль. Чтобы не поддаться колдовству, Белка отвела глаза...

Среди «заповедных» домов попадались и совсем простые, одноэтажные, с сиренью в палисадниках. Вдоль одного такого домика бежал ручей и сворачивал под мостик на дороге.

Девочка лет восьми с белобрысыми хвостиками волос, в сером платице с рисунком из васильков, пускала по ручью красный мячик. Убегала вверх по течению, бросала мячик в воду, потом обгоняла его и выхватывала из струй – блестящий, будто лаковый.

Один раз она не поймала. Мячик выскользнул из пальцев и запрыгал в воде, явно вознамерившись улизнуть под мост. Оказался рядом с Белкой. Белка, лихо изогнувшись над ручьем, хлопнула беглеца ладонью, поймала в воздухе. И засмеялась: на мячике белой краской была нарисована веселая рожица.

Девочка подбежала.

– Ой, спасибочки. А то чуть не удрал, бессовестный...

Белка помнила мальчиков с самолетиками и была полна благодарности ко всем представителям такого (или "околотакого") возраста. И сказала девочке:

– Смотри, чтобы лиса его не проглотила. Он ведь как Колобок...

Девочка глянула серьезными серыми глазами.

– Это вовсе не Колобок. Он *Пома*...

– Тоже хорошо... А может вы с Помой знаете, как пройти на Институтскую улицу? Я тут слегка заплутала.

Девочка кивнула, вздохнула по-взрослому:

– Ох, да многие плутают, после как Госпитальютсюда переехали. Вы идете во-он за тот дом, где крылечко со столбиками. А потом направо...

(Надо же! Ей, Белке, сказали "вы"! Она поморгала от неожиданности и поправилась:

– Вообще-то мне надо на улицу Строителей. Это далеко?

– Ой, да это совсем рядышком! Вон в тот проулок между тополями...

– Ага, в проулок! Там все крапивой заросло.

– Ну так и что? – удивилась девочка. – Она же здесь не кусачая. Если вы, конечно, ни в чем не виноватые...

– Ни в чем не виноватых людей не бывает, – строго сообщила Белка.

– Ну, не сильно виноватые...

Белка усмехнулась и... поверила девочке. Жгучая на вид трава и вправду оказалась безобидной. Лишь один раз, на полпути, слегка куснула, как бы напоминая, что она, Белка, не без грехов на душе (и это было справедливо). Нужная улица оказалась не «сразу», а еще через два квартала – таких же странных и незнакомых, как Дальнополянская. Но наконец Белка сообразила, что она в знакомом Корнеевском переулке, который упирался в Строителей. Было жарко и пусто, ни людей, ни машин, лишь трещали в заросших сорняками газонах кузнечики. Белка перешла узкую дорогу и оказалась как раз у магазина.

Купленную книгу Белка осторожно, чтобы не повредить самолетик, опустила в сумку, вышла на солнцепек. Собралась опять пересечь мостовую и прежним путем (да, теми самыми

удивительными кварталами!) двинуться к дому. И в этот миг полную кузнечиков тишину резанул голос:

– Девочка, иди сюда! Помоги мне! Скорее!

Чужая боль

Голос был мальчишечий, но не привычно-вредный, не насмешливый, когда окликают примерно так: «Эй, гёрла, гребь сюда, дело есть!» В голосе звенела беда. Белка метнулась взглядом по улице и увидела, кто крикнул. Наискосок от магазина, через дорогу, торчала из-за сорняков газона светловолосая голова и острые плечи с лямками полосатой, как у десантников, майки.

И глаза, и приоткрытый рот...

Белка метнулась через мостовую к этим полным тревоги глазам. Посреди дороги в щиколотке у нее что-то щелкнуло, «ёкнуло». Белка охнула. Присела на миг, но тут же рванулась опять. Проломилась сквозь сорняки. Крапива здесь была не та, что на Дальнеполянской и злобно отомстила Белке за все провинности. Белка помянула леших и ведьм и, путаясь в стеблях, вывалилась через штакетник на тротуар, прямо к мальчику.

К мальчикам. Их было двое.

Тот, что в тельняшке, сидел на корточках, а второй вытянуто и плоско лежал перед ним навзничь. Белые волосы разлетелись вокруг откинутой головы, нижняя губа была прикушена, закрытые синеватые веки казались полупрозрачными, как папиросная бумага. Красная трикотажная одежка сбилась, незагорелые, похожие на макароны руки и ноги раскинулись на пыльном асфальте тротуара.

– Что с ним? – быстро сказала Белка и опустилась рядом (а нога ныла).

– Приступ... – мальчик в тельняшке втянул сквозь зубы воздух, словно от боли (получилось "ф-приступ"). Он был по возрасту, как Белка, а лежавший – вроде ребят с самолетиками или чуть постарше. Жалость тряхнула Белку, как озноб.

– Надо скорую. Сейчас... – Она зашарила в складках юбки, отыскивая "Нокию".

– Я уже позвонил, приедут... – Мальчик под мышки подтянул к себе упавшего, положил его затылком себе на кроссовки. Задрал на нем красную футболку, опустил ладони на узкую ребристую грудь, прижал. Оглянулся на Белку:

– Встань за мной... пожалуйста. Положи мне руки на плечи. И если я похолодею, ты надави, чтобы мне... свое тепло... хоть чуть-чуть...

– Да, я знаю!

Белка сразу поняла: старший хочет вытянуть из младшего его боль. Она слышала о таких приемах, ими владеют экстрасенсы. Значит, мальчишка умеет, боится только, что не хватит сил. А она умеет? У нее хватит? Ладно, не до рассуждений!

Она (опять охнув из-за «ёкнувшей» ноги) встала у мальчика за спиной, цепко взяла его за плечи, ощутила кончиками пальцев дрожащие жилки под ключицами. Жилки вдруг забились, как прижатые кузнечики. Плечи стали наливаясь холодом, уже готовая к этому Белка отчаянно представила, что у нее внутри жар (прямо атомный реактор!) и она этот жар через ладони передает мальчишке. Никогда она не занималась никаким гипнозом, никакими внушениями, но сейчас напрягла нервы и душу так, что руки и правда оставались теплыми. И мальчик наверняка впитывал спасительное тепло... И Белка стискивала, стискивала пальцы, а мысли при этом дергались и прыгали.

"И ни одного прохожего... Тоже мне "миллионный город"... Так вот помрешь на улице, и никто не заметит... А может и хорошо, что никого... А то появятся какие-нибудь дураки, только одна помеха... А где же скорая..."

Плечи мальчика потеплели, стали влажными, он часто задышал. Тонкие длинные пальцы его на ребрах младшего мальчишки ослабли. А тот шевельнулся, веки дрогнули, поднялись. Он глянул вверх, назад синевато-серыми виноватыми глазами.

– Что?... Опять, да?

– Потому что растяпа ты, Сёга, – измученно сказал старший. – Наверно, забыл свою лошадку...

– Я не забыл... – Белоголовый Сёга слабо зашевелил коленями, локтями, пальцами, дотянулся до трикотажного кармашка на бедре. – Ой, да... Когда переодевался, не положил...

Старший поднял, подхватил Сёгу за плечи и под коленки, поднял.

– Ну-ка, поехали на травку.

– Я сам...

– Не дрыгайся, – ласково сказал старший.

Сёга, однако, слегка подрыгался – слабо, но дурашливо. И Белка с облегчением поняла, что малыш оживает (хотя какой «малыш», лет девять, наверно, а то и больше). Старший отнес его (видать, совсем не тяжелого) к забору, где густо росла жесткая "пастушья сумка" и подорожники. Посадил, прислонил к забору. По дороге с ноги у Сёги слетел потертый желтый полуботинок. Белка подобрала его, села на корточки и принялась натягивать на Сёгину ступню в красном носочке с дыркой на пальце.

– Расшнуруй сперва, – слабо, но деловито сказал Сёга. Белка расшнуровала, надела, опять завязала шнурок. Выпрямилась. И они со старшим мальчиком оказались друг против друга. Глаза в глаза.

Мальчишкины глаза были серые с желтоватыми прожилками. В окружении похожих на гребешки ресниц. И немножко разные (Белка сразу это заметила): один глаз чуть более узкого разреза, чем другой и потемнее. И это делало взгляд мальчика слегка необычным. А если бы не глаза, то лицо – ну самое обыкновенное. Щеки – не круглые, но и не впалые, нос – не совсем картошкой, но уж и не «классический», уши – не оттопыренные, но и не прижатые. Волосы были прямые, но на концах загибались внутрь и как бы охватывали голову шапкой из льняных прядей. Белка вдруг решила, что мальчика зовут Ваней.

Ванины губы (не пухлые, но и не тонкие, в мелких трещинках) шевельнулись в усталой полуулыбке:

– Спасибо тебе. Ты так помогла... прямо профессионал...

– Я старалась, – вздохнула Белка, а улыбнуться не решилась.

– Тили-тили-тесто... – вдруг выговорил у забора Сёга. Это было ни капельки не обидно, просто забавно. И они засмеялись, и Сёга тоже хихикнул. Но Ваня, посмеявшись, все же сказал:

– Был бы ты не кислый и хворый, я бы тебе дал "тили"...

– Я не хворый, – Сёга постарался подняться.

– Не дрыгайся, – опять велел Ваня.

Сёга больше и не «дрыгался», снова ослаб. Но улыбался. Белка торопливо сказала:

– Я побуду тут на всякий случай, пока не приедут врачи...

– Ага, побудь... – Ваня, кажется, был доволен. А Сёга заспорил с остатками строптивости:

– Какие врачи, не хочу я...

– Не вякай, папа приедет... Да вот, уже... – Ваня оглянулся. За газоном шумно тормознула у обочины светлая «Волга» с красными крестами. Распахнулась дверца, возникла женщина в белом халате и решительно, прямо как Белка, ломанулась через сорняки.

– Мама... – тихо возликовал на траве Сёга.

И Ваня обрадовался:

– Мама!.. А почему ты? Я папе звонил.

– А он мне. У них там ни одной свободной машины и какие-то проблемы в придачу... – Она согнулась над Сёгой. – Ты что это, голубчик, опять вздумал фокусы выкидывать?

Сёга забавно сморщил переносицу:

– Я больше не буду.

– Горюшко мое... – мама-врач распахнула саквояж, достала блестящую коробку, протянула подскочившему Ване, вздернула на Сёге до отказа коротенькую штанину. Ваня тоже действовал быстро и ловко: ватка со спиртом, шприц... Сёга следил за ними безбоязненно: видимо, все это было привычно. Даже не ойкнул...

Сделав укол, мама хотела подхватить Сёгу на руки:

– Поехали, дружок...

– Мама, дай я отнесу его...

Но в этот момент через газон с шумом прошагал крепкий дядя в форменный фуражке. Водитель "Волги".

– Полина Глебовна, дайте-ка я... Ты чего это, друг любезный, опять надумал маму пугать? – Вскинул Сёгу и понес через примятый бурьян и крапиву к машине. Остальные поспешили за ним. Башмак снова сорвался с Сёгиной ноги, и Белка подхватила его.

Сёгу положили на заднее сиденье, Полина Глебовна села у его головы. Ваня взял у Белки полуботинок и ворчливо сказал Сёге:

– Подбери ходули, а то где я сяду...

– А тебе и не надо, – вмешалась мама. – Я ведь не домой его, а к себе в поликлинику. Отлежится на диванчике, почитает «Незнайку», он его забыл там в прошлый раз...

– Мама, а как же... – Ваня был явно встревожен.

– Успокойся, – сказала Полина Глебовна. – Все теперь будет в порядке. Он же со мной... А вы погуляйте, каникулы ведь... – И она посмотрела на Белку. Наверно, думала, что девочка и сын знакомы давно.

Прежде, чем захлопнуть дверцу, Ваня показал Сёге кулак: не вздумай, мол, опять. Сёга в ответ прищурил один глаз и высунул язык: все в порядке...

Машина пыхнула дымком и укатила. Ваня посмотрел ей вслед, потом вдруг захлопал по карманам, вытащил, похожий на пудреницу мобильник, повертел зачем-то.

– Какой маленький, – сказала Белка, чтобы что-нибудь сказать. – Не то, что моя пудровая "Нокия".

– Это мамин был... Плохо, что маленький, все время теряю по карманам, их вон сколько... – Ваня опять похлопал по штанам.

Штаны самой привычной у нынешних ребят «конструкции» – широкие, длиной повыше лодыжек, со всякими хлястиками, брелками и с многочисленными карманами на разных местах. В школе, где училась Белка, такие штаны назывались "военно-патриотические". Из-за учителя физкультуры, который весной поспорил при ребятах с завучем Адой Михайловной. Та, бедная, просто заходила в истерику, когда видела мальчишек в таких брюках: "Опять! Опять эта идиотская американская мода! Вы в школе или где?! Отправляйтесь в Оклахому и там щеголяйте в этих соединенно-штатовских портках, а здесь наша родная Россия!"

Физрук Юрочка Максимыч – всегда спокойно-вежливый и рассудительный – сказал:

– Да что вы, Ада Михайловна, взгляните педагогически. Это же военно-патриотические брюки. Они из камуфляжа, как десантная форма. Защитники растут с малых лет, юные допризывники...

Не все штаны были из камуфляжной ткани, но Юрочкин довод на завуча произвел удивительное впечатление: она хлопнула губами и больше не придиралась.

А Ванины многокарманные бриджи были как раз из камуфляжа. И вполне сочетались с бело-синей тельняшкой. Будто Ваня этакий воспитанник десантной бригады (только вместо кирзовых голенищ исцарапанные щиколотки). Белка вдруг поняла, что скользит по Ване глазами с головы до ног и обратно, отчаянно застеснялась и начала суетливо шарить в сумке: не поломался ли самолетик? Очень хотелось еще почесать ужаленное колено и потрогать ногу, где «ёкнуло», но она не решалась.

Ваня, кажется, не заметил ее смущения. Поскреб мобильником подбородок и ворчливо сказал:

- Велено гулять... Тебе в какую сторону?
- На Дальнопольскую, потом через Институтские дворы под башню, на Рылеева.
- Пойдем тогда вместе... если хочешь.

Белка хотела. Она почему-то даже очень хотела, но в ответ лишь сдержанно кивнула. Впрочем, не очень сдержанно. По крайней мере, едва не слетели очки.

С улицы Строителей Белка и ее спутник свернули в Корнеевский переулок. Шагали рядышком и неловко молчали. Через два квартала оказались в заросшем проходе, который вел на Дальнопольскую.

– Не бойся, здесь крапива не жгучая, просто как лебеда, – сказала Белка, довольная, что есть о чем сказать.

– Да знаю я! – обрадованно отозвался мальчик Ваня. – Мне здесь все хитрости известны... Ну, не все, а многие...

– А я ничего не знала. Я сегодня в этих местах первый раз оказалась. А раньше думала, что здесь все еще запретная зона...

– Ее осенью убрали... А зимой здесь даже елку ставили. Не такую большую, как на главной площади, но тоже хорошую. Даже лучше, чем там, потому что все горки и карусели были бесплатные. Это институт устроил...

– Который сюда вернулся, да? Институт альтернативной физики и математики? – встала Белка, довольная, что и она хоть что-то знает.

– Ну да! А еще музейные работники помогали. И монахи...

– Какие монахи?

– Да ведь там, где собор и дом с башней, сейчас мужской монастырь снова сделали. Крестовоздвиженский называется. Получилось-то как! С одной стороны – монастырское хозяйство, с другой – Институт, а с третьей – музейная территория. А треугольная площадь, где солнечные часы, – она посередине. Как бы общая. Ну и вот...

Пока разговаривали, снова оказались на тесной, окруженной кирпичными домами-утесами площади. Белка машинально вскинула глаза: нет ли в небе самолетиков? Не было. Но где-то слышались ребячьи голоса и по-прежнему пахло скошенной травой. И ощущение таинственного города снова окутало Белку. ("Дзын-нь...") И Белка хотела прошептать: "Как здесь все удивительно..." Но вместо этого ойкнула: боль в ноге толкнулась холодным твердым шариком.

– Что? – сразу напрягнулся мальчик Ваня.

– Да ничего, так... нога. Кажется, подвернула чуть-чуть, когда прыгала там...

Рядом как, по заказу, лежал отесанный каменный блок.

– Ну-ка сядь, – безоговорочно потребовал Ваня. И Белка, даже не попытавшись заспорить, опустилась на теплый зернистый гранит.

– Которая нога? Вытяни... Ну-ка... – Мальчик Ваня решительно стянул до самой сандалетки Белкин длинный носок. Прохладные пальцы его аккуратными нажимами прошлись по мышцам. – Больно?

– Нет... Ой...

– Все-таки больно?

– Нет, щекотно только...

– Это ничего... Сейчас... Я ведь медик по наследству, ты не бойся... – Может быть, он хотел сказать "не стесняйся". Белка все же стеснялась немного, но было и приятно. Она прикусила губу, чтобы не заулыбаться. Ваня, сидя на корточках, глянул вопросительно.

– Нет, ни чуточки не больно уже, – сказала Белка.

– Наверно, маленькое растяжение. Надо приложить что-нибудь холодное. Платок есть?

Белка закивала, зашарила в клетчатых складках, отыскивая карман. Вытащила слежавшийся платочек.

– Сейчас намочу. В соседнем дворе есть фонтанчик, – Ваня выпрямился.

– Подожди, я с тобой! – Белка вдруг испугалась, что он уйдет и не вернется. Это было ужасно глупо, но... – Я могу, я ведь не хромаю!

Мальчик не спорил.

– Тогда держись за меня...

И Белка положила руку на его плечо. Снова кончиками пальцев ощутила под ключицей жилку-кузнечика. И они пошли, стараясь ступать в ногу, к арке в кирпичной стене – но не к той, что под фонарем, а левее, за округлым «бастионным» выступом.

За аркой оказался не двор, а еще одна площадь, даже пошире прежней. Половину ее ограждали все те же кирпичные торцы и углы, а другую половину замыкало подковой двухэтажное здание. Оно сложено было из желтоватого камня. Темнели очень узкие окна, и похоже было на внутреннее пространство крепости. Посреди площади располагался восьмиугольный бассейн с низкой гранитной оградой и витыми чугунными раковинами на углах. Посреди бассейна поднималась каменная горка – наверно, раньше на ней красовалась скульптура (Нептун или нимфа какая-нибудь). Бассейн был сух.

– А где вода-то? – огорчилась Белка.

– Вода вон там. Ты посиди... – Мальчик Ваня заботливо усадил Белку на ограждение бассейна, взял платок и убежал. Белка издали разглядела, что недалеко от арки вделана в кирпичи мраморная розетка, из которой выбивается изогнутая струйка. Вода падала в каменный желоб, который кончался у решетки водостока. Ваня намочил платок, прибежал.

– Вот... Где больше всего?

Белка приложила очень холодную тряпицу к месту, которое недавно болело (а теперь уже не болело). Натянула носок-гольф. Он промок, но это была ерунда.

– Спасибо...

– Ты сразу не вставай, надо посидеть минут пятнадцать... А я пока вот это... – Он вынул из кармана мобильник, понажимал.

– Мама? Это я... Да ничего я не нервничаю, просто так позвонил. Как он там?.. Ну и ладно. Пока...

Ваня щелкнул крышкой телефона, погрузил его в недра "военно-патриотических штанов", смущенно объяснил Белке:

– Валяется на диване, задрал ноги, и читает "Незнайку на Луне". Он эту сказку может мусолить без конца, хотя всяких серьезных книжек, прочитал в пять раз больше, чем я...

– "Незнайку" я тоже люблю до сих пор, – сообщила Белка. Не то чтобы она и правда очень любила эту книжку, но надо же было о чем-то говорить.

На барьер бассейна рядом с Ваней прыгнула черная кошка.

– Мр...

– Луиза! – обрадовался Ваня. – Иди сюда!

Луиза подошла и снисходительно позволила погладить себя.

– Это кошка профессора Рекордарского, – сообщил Ваня.

– Мы немного знакомы, – сказала Белка. – С Луизой...

В это время послышался шум, будто на другой край бассейна опустился голубь. Луиза мягко скользнула в сторону, а Белка и Ваня разом оглянулись. На гранитном ограждении возник откуда-то пацаненок лет восьми. Он сидел на корточках и крутил в пальцах полупрозрачный самолетик.

– Птаха, привет! – весело и без удивления окликнул его Ваня.

Мальчишка был тонкошей и тощий, с колючими немытыми локтями и коленками, в сизой майке и трусиках, обтрепанных так, что казалось, из них торчат перья. Голова его выгля-

дела слишком большой – из-за темной меховой шапки, похожей на воронье гнездо. Из под шапки смотрели круглые коричневые глазища.

– Привет, – рассеянно откликнулся Птаха тонким, похожим на трель голоском. Опять повертел самолетик. – Вот, прилетел прямо в руки, неизвестно чей...

– Тыпусти его, он сам найдет хозяина, – посоветовал Ваня.

– Само собой. Только пусть отдохнет... – И странный мальчик Птаха мизинцем погладил стрекозиные крылья самолетика.

– Ты не знаешь, когда воду пустят в бассейн? – спросил Ваня. – Купаться можно было бы... Обещали еще в мае...

– Дядя Капа сказал, что скоро, – охотно отозвался Птаха. – В трубах пробка была, теперь ее продули, она – чпок! – И он рассмеялся, будто высыпал на стекло бусинки. После этого Птаха, видимо решил, что самолетик отдохнул. Поднялся на ногах-лапках, щуплый, похожий на кулика, махнул рукой – над ней сверкнули крылышки:

– Лети, хороший!

Аэропланчик взмыл и по дуге пошел к верхним карнизам кирпичных зданий. Но он не ударился о них и не взлетел над ними, а просто растаял в солнечном свете. А у Белки и Вани за спиной в это время опять зашуршал воздух – будто птичья стайка взлетела. Белка оглянулась. Птахи не было.

– Куда он девался?!

– А, это Владик Пташкин. Он такой... – с удовольствием отозвался Ваня. Потом сбоку глянул на Белку, посерьезнел и сказал нерешительно: – А тебя как зовут?

– Ох...

– Что?! Опять болит? – сразу напрягся он.

– Да не болит. «Ох» каждый раз потому, что надо объяснять, какое дурацкое имя... Бабушка настояла, чтобы назвали Элизабеттой. Даже не Елизаветой, а именно Элизабеттой! "Подумайте, как будет красиво, когда станет взрослая – Элизабетта Аркадьевна"! Ну уж фиг! Буду паспорт получать, переделаюсь на Елену...

– Да зачем? По-моему и правда хорошо, – сказал мальчик Ваня. Впрочем, без уверенности.

– Уж куда как хорошо! "Элизобетонная конструкция"... А пока маленькая была, вообще мучение. Называли и Лизой, и Бетой (хорошо хоть не Альфой). И... в общем, сплошное издевательство. А в первом классе я топнула ногой и переделала себя в Белку. Так и прижилось... – Они встретились глазами, и теперь Белкин взгляд был вопросительный: "А ты... кто?"

"Вдруг и в самом деле Ваня?"

Мальчик нагнулся, тронул проросший между плит одуванчик, посмотрел, как он качает солнечной головкой.

– У меня, Белка, похожая история. Только не с бабушкой, а с дедушкой. И с прадедушкой. Прадедущка был чех, он попал к русским в плен в пятнадцатом году, когда Первая мировая война... И остался в России, стал потом врачом. И дедушка – врачом, и отец... Когда я родился, дед стал говорить: "Назовем мальчика «Вацлав», как моего папу". Но родители говорят: "Это, конечно, хорошее, но не здешнее имя, как с ним в России?" И договорились, что буду Вячеслав – ну, будто русский вариант Вацлава. А уменьшительно стали звать все же почешски: не Славка, а Вашек...

– Да это же здорово!

Было и правда славно. Подходяще так для мальчишки с шапкой льняных волос. И, к тому же, Белка была довольна, что угадала хотя бы первые две буквы. Она, кажется, слишком явно обрадовалась. И, застенчившись этой радости, быстро спросила:

– А Сёга это Сергей, да?

– А? Да. Серёжка...

– Брат, да? – спросила Белка, хотя и так было ясно.

– Да, брат...

Белка вдруг заметила, что, когда Вашек говорит «да», получается мягко и с чуть заметным придыханием. Похоже на «та-а». "Та-а зачем?.. Та-а, брат..." И это тоже было славно.

Вашек сидел, слегка откинувшись, и смотрел перед собой, словно вспоминал что-то. Крепко взялся по бокам от себя за гранитный выступ. Белка опять подумала, какие у него длинные тонкие пальцы. Вашек шевельнул пальцами, словно Белкин взгляд щекотнул их. Она тут же отвела глаза. И быстро сказала:

– А вы совсем не похожи, ты и Сёга...

Вашек тихо качнулся вперед-назад, взялся за гранит покрепче. И вдруг проговорил:

– Понимаешь, он не такой брат... Ну, не кровный, а приемный. Или говорят «названный». Он у нас полтора года живет...

Белке показалось, что о чем-то таком она уже догадывалась в глубине души. И неловко молчала: сунулась не в свое дело. Можно ли дальше расспрашивать? Но Вашек не стал молчать. Качнулся и продолжал:

– Его к папе в больницу беспризорники привели. То есть принесли, с таким вот приступом. Он жил с ними, в каком-то подвале, а потом у него *это* стало случаться и они перепугались: мог ведь и умереть... А папа работает в больнице скорой помощи, это недалеко отсюда. Знаешь, здание такое, похожее на приморский санаторий, на Фрунзенской?

Белка торопливо кивнула. Вашек продолжал, глядя перед собой:

– Ну вот, притащили его и убежали. А папа как раз был на дежурстве... Ну, малость привели его в чувство, Сёгу этого. А потом папа позвонил маме. Он-то не детский специалист, а мама работает в поликлинике при детской больнице. Забрали Сёгу туда... А у него приступ за приступом. И никто ничего не может понять. Это ведь не эпилепсия какая-нибудь и не что-то другое, известное. Непонятные приступы боли... И никто не мог поставить диагноз. Вроде бы все в норме: и сердце, и... ну весь организм. Только общее истощение, но боль-то не из-за этого. Думали: может нервное? Тоже не смогли выяснить... Лежал он там два месяца, а дальше что? В обычный интернат больного не примут. В госпиталь для детей-хроников? А кто возьмет без диагноза? Да и мест нету...

("Та-а и мест нету..." – отозвалось в Белке.)

– И вы взяли его себе? – шепотом спросила она.

– Мама сказала: "Я же за него отвечаю. Ну, и привык он ко мне (к маме то есть). Куда его, не в подвал же обратно..." Папа руками развел: "Конечно, не в подвал..." Ну и вот... Стал сперва жить просто так, потом документы оформили на опеку, в школу пошел... Он ведь не долго был у беспризорников, сперва три года в детдоме жил, учился там, но сбежал, потому что и ребята, и воспитатели били...

– Гады, – вздохнула Белка.

– Та-а... А в детдом он еще дошкольником попал. Мать спилась и пропала куда-то, отец сдал его в какую-то комиссию и сразу укатил на север, а там, говорят, погиб. А Сёга закончил в детском доме три класса, у нас пошел в четвертый... Белка, он выглядит младше, чем есть. На самом деле ему почти одиннадцать...

Белка опять кивнула: понятно, мол, при такой жизни сильно не вырастешь. И прошептала:

– А приступы так и продолжались.

– Та-а. Не часто но случались.

– А ты... еще раньше умел снимать боль? Или научился, когда с ним пришлось...

– С ним. И не сразу... – Вашек опять глянул на нее, отвернулся. – Белка... если бы ты знала, какая я сперва был сволочь...

Шахматные лошадки

Уже потом Белка размышляла и гадала: с чего мальчик Вашек стал ей, незнакомой девчонке, рассказывать про невеселые семейные дела? Будто всего себя наружу... Может, почуял родственную душу, когда вместе вытягивали боль из Сёги? Или... такое было свойство у этих мест, что люди тут делались откровеннее и добрее?... Но эти мысли были потом, а тогда ей казалось обыкновенным, что вот сидят они вдвоем посреди каменной старинной площади, на солнышке (тень от стен не достигала сухого бассейна), и она слушает с печалью и тревогой, а он говорит горько и откровенно:

– Знаешь, Белка, я же его сперва терпеть не мог... Ну как же, был единственный сын у мамы и папы, а тут вдруг появляется какой-то недоразвитый дохлячок с улицы. Да еще припадочный... Молчит все время, только вздрагивает, если громко окликнешь, моргает. А если говорит, то больше шепотом. И не умеет ничего... А ему – все внимание. "Понимаешь, Вашек, он же младше тебя. И у него такое состояние... Мы должны... И ты должен..."

Ну и что? Думаешь, я его обижал или как-то показывал, что не терплю? Да ни чуточки! Делал вид, что "да, все понимаю". Ни разу плохого слова не сказал. Если что-то спросит, вежливо так отвечаю. Если надо с уроками помочь – пожалуйста, улыбаюсь даже. Но внутри все скручивается... Он, конечно, это чувствовал, поглядывал так, загнанно... И мама все это понимала. Но ведь снаружи-то все было благополучно, никаких ссор... А папе, наверно, казалось, что и в самом деле все хорошо, он с головой был в своей хирургии, с утра до ночи...

Меня, Белка теперь до сих пор грызет, что Сёга плакал по ночам, а я ни разу не подошел. Иногда просыпался и слушал, стиснув зубы. А если он слишком уж сильно заходился, я вскакивал, будил маму:

"Иди, он опять там весь в слезах..."

Она мне:

"А почему ты сам не попробуешь успокоить?"

"Я не умею..."

Я и правда не умел. Но и не хотел даже попробовать...

А один раз я все же сорвался. Мы спали в моей комнате, она теперь сделалась как бы общая. Папа смастерил двухъярусную кровать, как в кубрике. Сёга попросился наверх, ну, я не спорил, конечно, младшим уступать надо... А однажды... Белка, это между нами, ладно? Однажды на меня потекло. Оказалось, что у него энурез. То есть такое... недержание. Тут ничего смешного, это часто бывает у таких вот заброшенных пацанов. И лечится, кстати говоря, легко, Сёгу потом и вылечили в один момент... Но в то утро я был сам не свой от злости. И маме сказал:

"Мне теперь что, под зонтиком спать?"

Я не специально при Сёге сказал, но он был близко, слышал, конечно... Хотя даже в тот раз я ему ничего прямо не выговорил. Только вечером потребовал:

"Давай поменяемся местами, а то ты однажды загремишь сверху, а мне скажут: не досмотрел. У тебя по ночам то и дело руки-ноги через край торчат..." Он конечно, все понял, закивал, будто голова на ниточке...

Ну, так и жили до лета. Учился он сперва еле-еле, а потом ничего, втянулся. Ну, на троечки, правда, но и то хорошо. Приступы у него все еще случались, только редкие и не сильные. Сильный был всего один раз, когда он услышал по радио про цунами в Индийском океане, в декабре... Зато с ним в прошлом году другое началось: воровать стал...

Белка дернулась и застыла, будто это ее уличили в воровстве. А Вашек поморщился и торопливо объяснил:

– Да нет, не думай, что деньги или вещи какие-нибудь. Такого он никогда... Но он начал таскать, где только мог, шахматных коньков. Бред да и только! Или болезнь новая объявилась, или глюки какие-то...

Первый раз заметили, когда мама побывала с ним в гостях у своей подруги, у тети Зои. Мама и тетя Зоя там в шахматы играли, они это любят, а Сёга рядом торчал, развлекался срубленными фигурками. Ну, и прибрал белого конька в кармашек... Мама потом дома увидела, удивилась:

"Это откуда?"

Он засопел, покраснел:

"Я нечаянно..."

"Отнеси потом, верни, а то тетя Зоя что подумает..."

"Ага..."

И не отнес, конечно, спрятал. А потом еще, еще... Тут, если про каждый случай рассказывать, то целый день надо. То у мамы в поликлинике стащит конька – там в вестибюле, где приема ждут, шахматы на столиках. То в школьной библиотеке, то у знакомых, то на дворе, где пенсионеры играют... Бывало, что это замечали – тогда, конечно, воспитательная разборка: "Иди, верни немедленно"... Только, по-моему, он ни разу не вернул. Потом я понял: это для него было, что от сердца кусок отрывать... А иногда эти его кражи незаметно проходили... Но те, что заметно, тоже не редко... Мама просто не знала, что делать. Даже к психиатру водила, а тот поговорил с ним и потом сказал маме по-свойски так, ну как знакомый знакомой:

"Дурь это все, Полина Глебовна, просто дитя вообразило себя завзятым коллекционером. Бывает в таком возрасте. Всыпать ему как следует, и все придет в норму..."

Ну... мама и всыпала. Не сразу, а после очередного случая, когда нашла у него хорошего такого конька из белой кости. Он даже не признался, где его взял...

Это осенью было, я прихожу из школы, а мама его положила поперек стула и охаживает ремнем: "Будешь еще так делать?! Будешь?!" Я прямо обмер... Да ну, смех один. Штаны на нем толстенные, а ремешок тряпичный, от моих старых шортов. Сёга молчит, даже ногами не дрыгает. Но это уж я после понял, а сперва... Меня в жизни пальцем не трогали, я даже не видел такого, разве что в кино. А тут... будто меня самого... Я подскочил, ремешок на руку намотал, дернул! Как заору на маму. Тоже такого сроду не было, а тут:

"Ты что! Ты с ума сошла! Сама говорила, что он как сын, а издеваешься!..."

Мама руки опустила – и в слезы. А Сёга вскочил, и слезы у него пуще маминых:

"Только не прогоняйте меня от себя! Ну, пожалуйста!..."

Белка, он мне уже потом рассказывал, что боялся этого пуще всего на свете: что мама и папа сдадут его в какой-нибудь детдом или госпиталь. Он к нам, к нашему дому, оказывается, привязался изо всех сил... даже несмотря на то, что я такой был... все равно привязался. Раньше-то никакого нормального дома у него не было, а тут... Он говорил, что когда один в квартире оставался, даже ручки на дверях целовал. И молился: "Пусть я буду здесь всегда..." Вот... Казалось бы, зачем тогда воровать этих несчастных шахматных коньков, себе и другим жизнь портить, а он все равно. Не мог иначе... Психиатр маме ерунду сказал, вовсе это не дурь... Но это я опять же узнал потом, а тогда... Мама говорит:

"Убирайтесь отсюда, изверги", – и вытолкала нас в нашу комнату.

Сёга сразу лег носом к стенке, завсхлипывал. А я сел к столу, будто уроки учить, и... ну не знаю, что делать, хоть вой... Тут мама меня позвала к себе. И опять почти со слезами:

"Ну, поговорил бы ты с Серёжей как мальчик с мальчиком, по душам. Почему он такой, чего ему надо? Ведь ребята часто откровеннее друг с другом, чем со взрослыми..."

Это он-то со мной будет откровенным! С таким вот...

Но я весь виноватый был за свой недавний крик, а прощения просить стыдно. И говорю:

"Да, мама, конечно, мама. Я обязательно..."

Мама ушла на работу, а я опять пошел к себе. Сёга сопит... Я лег на свою койку и... заснул. Наверно, от всех таких переживаний. А когда проснулся, смотрю сверху, Сёга в углу на коленках возится со своими коньками. И оказывается, много их так! И разные, один стеклянный даже. Мы и не знали, что их такая куча, прятал где-то... Выстроил их в три ряда и шепчет непонятно. Будто прощается. Белка, во мне что-то сжалось... А он почувствовал мой взгляд, нагнулся будто хотел всех коньков заслонить, потом начал их сгребать в пакет. Съежился... И оглянулся, будто его опять на воровстве поймали. Я говорю:

"Да не бойся ты, никому я ничего не скажу..."

Он заулыбался, боязливо так. Сел, руками сзади уперся и вдруг повалился на спину... Это и раньше так бывало, я сразу понял: началось. Слетел с койки. А у него лицо уже как у неживого, только пальцы сжимаются от боли. Я – маме звонить! А там занято, занято. Я – папе, а дежурный: "Хирург Горватов на операции"... Это фамилия у нас такая, от чешской фамилии Горват... Сёга лежит, а я обмираю: вот помрет, а мне отвечать! Паршивый страх, верно?... И вдруг, я понял, что это не *такой* страх. Не за себя, а... вот если сейчас правда случится самое жуткое и если останутся от Сёги только шахматные коньки, тогда как нам жить?

Я стянул с него свитер, задрал майку, начал делать массаж сердца. Видел как мама это раньше... Потом просто прижал руки к груди, потому что показалось: надо вытянуть его боль на себя. Зажмурился и начал... ну, как бы всасывать в себя через ладони все, что там у него страшное. А там не только боль, но и страх...

– Вытянул? Как сегодня, да? – шепотом сказала Белка. Ей казалось, что она сама, одна, только что спасала белоголового беспомощного пацана.

– Да (Та-а...) Выходит, вытянул, Потому что он зашевелился, глаза открыл... А я сам еле живой, холодный весь внутри... Это ведь труднее было, чем сегодня, я еще не умел, и никто не помогал... Перетащил я его на койку, сделал грелку (мама так делала), посидел рядом, он мне в руку вцепился: не уходи. Я и не отошел, пока он не заснул. А потом дозвонился до мамы, она приехала, сразу укол, конечно, а он даже не проснулся... А я тоже свалился, не разделся даже, и спал до ночи.

Ночью проснулся и чувствую: Сёга не спит. Спустился к нему, у него ночник горит, глаза открыты. Я говорю: "Ну-ка, подвинься", – и лег рядом. Он дышит так тихонько, будто ждет. Я тогда и сказал:

– Послушай, Сёга, объясни ты наконец: зачем тебе эти шахматные коньки?

В тот раз я впервые назвал его Сёгой. Он несколько раз говорил, что его зовут именно так, но мама и папа все «Сережа» или «Сереженька», а я ... вообще никак. А тут – вот... Он задышал даже как-то иначе...

"Они не коньки, – говорит, – они лошадки..."

"Ну, пусть лошадки. А зачем?..."

И он не стал упираться. Раньше молчал или бормотал: "Не знаю... просто так... играть...", а тут вдруг начал говорить. Да так складно... Он ведь к тому времени кучу книжек прочитал. Сперва-то читал чуть не по слогам, но скоро приохотился, ни телек ему не нужен стал, ни компьютер, целыми вечерами сидит в углу с книжкой, как мышонок. Даже "Трех мушкетеров" толстенных одолел. Учительница маме говорила: "У вашего Сережи стала очень литературная речь". Ну вот, этой речью он и начал мне про все говорить. Почти без остановок...

Оказалось, что коньки... нет, он всегда говорит «лошадки», слово «коньки» не любит... лошадки помогали ему побеждать боль и страх. Не всегда помогали, но все же облегчали... У него с давней-давней поры, когда еще с родителями жил, всегда была при себе маленькая шахматная лошадка, вроде как талисман. Он ее пуще всего на свете берег, везде и всюду, она и сейчас с ним... И вот будто бы лошадка эта Сёге однажды во сне нашептала, что, чем больше у нее

станет сестер и братьев, тем лучше, безопаснее будет у него, у Сёги, жизнь. "Надо, чтобы табун все время рос..." А он этой лошадке верил, она ведь была для него как живая, единственный друг... Вот и начал он добывать лошадок, где только мог. С одной стороны вроде бы начитанный, не дурак, а с другой – будто дошколенок еще. Казалось бы: объясни ты нам сразу про все как есть, а он... и стеснялся, наверно, отчаянно, и, главное, боялся, что прогонят... глупый...

Белка, я конечно, бестолково объясняю...

Для него лошадки сделались не только, как защита от болезни и страха. Они еще и как друзья. Он к ним сразу привязывался, будто к живым. По-моему, даже имена каждой дал, только не говорит, а я не спрашиваю... И вообще они как-то очень его поддерживают. Я потом услышал случайно, как тетя Зоя сказала маме: "Ничего особенного. Просто это увлечение укрепляет в ребенке психологическую стабильность"...

В ту ночь Сёга мне долго про все рассказывал. Не только про лошадок, а вообще про себя. Как в детском доме был и у беспризорников.

"Они были лучше, чем детдомовские, почти не обижали... Я, наверно, снова к ним уйду, когда вы меня прогоните. Только как им со мной быть, если у меня опять... это..."

Я... тут я сделал вид, будто разозлился даже:

"Кто тебя прогонит, балда ты несчастная! Куда ты денешься, если ты наш?"

Он говорит тихо-тихо:

"А как это... ваш?"

"А вот так! Насовсем и полностью. Мамин, папин и... мой..."

Он завожился, будто крошки под него попали, а потом совсем притих. И вдруг шепчет: – Но тогда значит... считается... будто я твой брат?

Я, Белка, взял его голову, пушистую такую, придвинул к плечу. Ну, и... стал брат.

– ...Утром я, конечно, все рассказал родителям. Папа подхватился – и по магазинам. Как раз выходной был. Притащил папа сразу десять шахматных наборов. Разных.

– На, отдай этому коллекционеру!

Я сперва боялся: вдруг Сёга заупрямится. Застесняется, забоится или что-то еще там. Но он сразу засиял весь. И... никто даже не ожидал, а он выскочил в другую комнату, к папе, облапил его, зашептал ему в пиджак:

"Спасибо вам большущее, я больше никогда, никогда..."

Папа даже закашлялся, будто у него табак в горле...

Потом, уже днем, когда он разбирал шахматные фигуры, я ему сказал:

"Ну вот, теперь у тебя в табуне еще сорок голов..."

Но получилось, что не сорок, а только десять. Оказывается. Сёга собирал не всяких коньков (ой, лошадок). Во-первых, ему нужны были только белые (вернее, те, которые считаются белыми, а они бывают разные: и желтые, и серые, и даже красные). А еще, чтобы обязательно с правого края доски. То есть с клетки "Же один". Почему так, он объяснить не мог. Может, именно такой была его первая лошадка... Я ему доказывал:

"Белая – это пусть. Но ведь когда ты берешь ее из коробки, ты не знаешь, с какой она клетки. Она ведь может стоять то на правой, то на левой".

А он:

"Я ее поставлю на "Же один", подержу с минутку, вот и все. Она делается *такая*. А другие из этой коробки уже не нужны..."

Он, кстати, в шахматы играет еле-еле, но в клетках разбирается... В общем, забрал он десять белых лошадок, а потом смотрит на меня и опять виновато так:

"Остальных-то куда девать?"

Это он про десять коробок с шахматами. Мама с папой решили, что заберут их себе в больницы, пусть пациенты развлекаются. Но ведь без одной фигурки партия уже неполноцен-

ная, надо хотя бы какую-то замену... У нас есть детский токарный станочек, я наточил на нем десять круглых подставок, это пустяковая работа. Потом из тонкой досочки выпилил лобзиком конские головки, тоже недолгое дело. Подстрогал их еще, глазки вырезал, гривы. Приклеил на подставки. Получились не совсем похожие на прежних коней, ну да ладно, играть-то можно... В общем, все кончилось хорошо...

– А Сёга... он потом уже не таскал ни у кого лошадок? – осторожно спросила Белка.

– Ни разу!.. Да и зачем? Ему и без того хватает. Мы сами теперь добываем их где можем. Мама и папа когда видят у знакомых шахматы, начинают выпрашивать: подарите конёчка для коллекции нашего мальчика, а Вашек сделает вам замену. Это у них вроде охоты сделалось... Ну, знакомые смеются и отдают. А я этих лошадок-заместителей так наловчился делать, что могу за пять минут. Иногда головки не вырезаю из дерева, а леплю из пластика. Знаешь, есть такой, вроде пластилина, только быстро твердеющий... И сам я лошадок добываю, где могу... Ой, Белка, подожди, я еще раз позвоню...

Вашек опять понажимал кнопки на мобильнике:

– Мам, это я... Ну, как он?.. Почему на кольцах болтается? Разве вы уже дома? Тогда хорошо... А я нигде не болтаюсь, мы гуляем, как ты сказала... Да ладно, ладно, скажи ему, что скоро приду!.. – Вашек захлопнул мобильник и улыбчиво глянул на Белку:

– Если меня долго нет, он принимается канючить: "Где Вашек?" Вообще-то мы почти всегда вместе. И в школе друг дружку ждем после уроков... А как твоя нога?

Белка пошевелила ногой и сказала, что нога "в полной прекрасной норме, хоть в балете танцуй, если бы умела..." И еще:

– У нас дома есть шахматы, большущие такие, старинные. Я добуду лошадку...

– Если старинные, то не надо. Они ведь дорогие, наверно... – стесненно сказал Вашек.

– Какая разница! Все равно они в кладовке валяются, никому не нужны... И ты ведь сделаешь замену?

– Конечно, сделаю! Я постараюсь, чтобы в точности. Когда я хочу, у меня получается... Белка, ты только запомни: лошадка должна быть белая, и поддержи ее на правой клетке. А то Сёга, он такой, сразу чует, если не та...

– Я запомню... А как я передам? Давай обменяемся телефонами.

– Давай! Диктуй... – Вашек снова раскрыл мобильник и тонким пальцем нацелился на кнопки.

А после Белка записала на свой телефон номер Вашека. И оба они были довольны, что есть причина не прерывать знакомство.

Вышли они на Треугольную площадь (так она, оказывается, и называлась) и неспешно зашагали к воротам под башней. На площади было много ребят. Одни гоняли мяч, другие, задрав головы, следили за кружившимися в высоте самолетиками. Над солнечными часами реял пестрый глазастый змей с мочальным хвостом.

– Ого! – сказала Белка. Тень часов показывала половину второго. – Мне ведь еще надо за хлебом и за луком... Странно, что мама до сих пор не звонит... – И телефон тут же задребезжал в складках клетчатой юбки.

– Да... Что? Мама, ну нисколько не долго! Между прочем, сейчас каникулы, вот и гуляю... И вовсе не одна, а с мальчиком... Ну, как с каким! Со знакомым! – Белка дурашливо глянула на Вашека. Тот принял игру: всем своим видом изобразил примерного мальчика, с которым гулять одно удовольствие, мама может быть спокойна и счастлива.

Они расстались за воротами. Белке надо было налево, в булочную (у которой, кстати, бабки торговали луком и редиской). А Вашеку – направо, он жил в новом доме на улице Сурикова, в двух кварталах от Институтской.

Договорились, что созвонятся завтра.

Больница скорой помощи

Сёга качался на детских гимнастических кольцах. Он просунул в них ноги и висел вниз головой. Белые волосы были похожи на помело и едва не доставали до пола. В таком виде Сёга заулыбался навстречу Вашеку.

– Висит груша – нельзя скушать, – сказал Вашек. Сёга показал язык. Он никак не походил на грушу. Был он без футболки, и похожие на изогнутую проволоку ребра торчали под тонкой, как папиросная бумага кожей.

– Вашек, обед на плите, – сказала из спальни мама. Вашек заглянул к ней. Мама сидела у окна и держала красную Сёгину футболку. Часто двигала иглой.

– Ты что это шьешь?

– Вышиваю белую лошадку. На всякий случай. Пусть будет дополнительная защита...

– Вышей тогда еще G-1. Для полной точности.

– Обязательно... Иди поешь.

– А папа не придет?

– Позвонил, что задержится.

Вашек оглянулся на дверь.

– А вон то костлявое существо уже поело?

– Существо заявило, что у него опять нет аппетита, и ограничилось компотом. Просто не знаю, как с ним быть.

– Пообещай кормить через клизму!

– Я пообещала. Существо ответило где-то вычитанной фразой: "Клизма – не катаклизма, полезна для организма".

– Я не вычитал, я сам сочинил! – звонко возмутилось «существо» и упало на пол, стукнув локтями и коленями. Стук и голос разлетелись по всей квартире. Квартира была просторная, трехкомнатная. На нее ушли все многолетние накопления семейства Горватовых плюс всякие банковские кредиты. Затраты были такие, что теперь ни о каких летних поездках не могло быть речи. Разве что «выбить» для ребят льготные профсоюзные путевки в местный лагерь. Но Сёгу туда не взяли бы из-за медицинских сложностей, а чтобы Вашек поехал без брата – это помыслить было дико...

– Литературное дитя, – оценил Сёгино творчество Вашек и отправился на кухню. Налил в тарелку вермишелевый суп, устроился за столом. Пришел Сёга, уселся напротив, уткнулся в край стола острым подбородком. Серо-голубые глаза были слегка виноватыми – они всегда были такими после приступов. Вашек насупился. Он знал, что в этих случаях не стоит церемониться: от чрезмерной ласки Сёга мог неожиданно расплакаться.

– Больше не забывай брать лошадь с собой, растяпа, – сказал Вашек.

Сёга завозился, завздыхал:

– Я случайно. Больше не буду... Вот... – Из кармашка на красных шортиках он вытащил костяного конька, поставил на кленку. Поиграл им: – Прыг-скок на восток...

– Почему на восток? – глотая вермишель, сказал Вашек.

– Потому что так складно...

Вошла мама с футболкой.

– Ну-ка, надень... Теперь, если забудешь свой амулет, все равно лошадка с тобой. Потом и на других рубашках вышью...

– Мама, спасибо... – Сёга засветился, потерся щекой о ее руку. Он не сразу привык называть "тетю Полю" мамой, но все же привык и теперь всегда говорил это слово с удовольствием.

Мама глянула на Вашека:

– А что это за девочка была с тобой? Твоя одноклассница?

– Вовсе не одноклассница. Я даже не знаю, где она учится. Я ее кликнул на помощь с перепугу, когда существо вздумало опять фокусы показывать... А потом уж познакомились маленько.

В отместку за «существо» и «фокусы» Сёга тихонько сказал, как тогда, на улице:

– Тили-тили-тесто...

Вашек облизал блестящую ложку и нацелился ей Сёге по лбу.

– Ну-ка, без рукопашной, – предупредила мама. – По-моему, славная девочка... Если познакомились, то, наверно, знаешь как ее зовут?

– Ее зовут замечательно! Белка! То есть это сокращенное имя, а полное типа Элизабетта...

– Опять это дурацкое слово «типа»! Замусорили язык! Чтобы я больше не слышала! Вячеслав, ты меня понял?

– Типа того... Ой! Я случайно... Мама, а это что? Котлета? Можно, я лучше сразу компот?

– Вы сговорились, злодеи?

– А чего! Кому-то можно один компот, а кому-то...

– Вы меня уморите, – сказала мама, покидая кухню.

– Не-е! – в два голоса отозвались Вашек и Сёга.

– Вымойте посуду. И не вздумайте ходить на головах. Я буду отдыхать, у меня завтра дежурство...

Вашек и Сёга не стали ходить на головах (они, кстати, делали это не часто). У себя в комнате Сёга расставил на полу шеренги лошадок и что-то бормотал (или напевал даже) над ними. Он знал, что сегодня мама его из дома не выпустит. Вашек сел у подоконника и рассеянно тискал пальцами мягкий пластик. Мастерить коньков-заместителей пока было не надо, а что вылепить еще, Вашек не знал. То есть он знал, но... Вашек покосился на Сёгу. Тот сразу перехватил его взгляд.

– Вашек, а Белке нравится ее имя? – Непонятно, в каком это он тоне: опять как «тили-тесто» или всерьез.

– Да, – увесисто ответил Вашек. – Нравится. Соответствует характеру. "Элизобетонному".

– И нисколько не соответствует. Она симпатичная.

– Если всякие болтливые личности будут ехидничать, Белка этим болтливым ехидным личностям не даст лошадку, которую обещала...

– Ой... Я не ехидничаю, я по правде, честно-честно! А какая лошадка?

– Она сказала, что старинная и большая... Сёга иди сюда... – Вашек сел на нижнюю койку.

Сёга, ощутив смену тона, быстро приткнулся рядом. Вопросительно задышал, щекотнул плечо Вашека невесомыми волосами.

– Слушай, а чего ты так сегодня, а? – полушепотом спросил Вашек. Он старался говорить не очень ласково. – Шли, шли, и вдруг брык... Раньше такое было, если ты про что-то плохое слышал. А сегодня-то что?

– Я не знаю... – тихо выдохнул Сёга.

– Может, ты что-то почуял?

– Нет... не знаю... Я боюсь: вдруг что-то случится...

– Ничего не случится! – Вашек постарался придать словам бетонную ("элизобетонную") твердость.

...Но плохое случилось. Только узнали это вечером, когда пришел отец.

Отец был высокий (длинный даже), худой, с жесткими светлыми усами, с отросшими небрежными волосами – он всегда забывал вовремя постричься. Руки его с тяжелыми кистями и крепкими пальцами далеко торчали из общлагов. Мама говорила: «Руки не хирурга, а кузнеца». А еще она говорила, что папа похож на молодого Горького и порой добавляла: «Впрочем, уже не очень молодого...» Папа спрашивал, где она видела молодого (и не очень) Горького, чтобы так сравнивать. Мама отвечала, что на снимках, портретах и в старых фильмах. Папа говорил, что в фильмах Алексея Максимыча играют артисты, а они сами его никогда в натуре не видели. «Есть документальные фильмы», – возражала мама. «А там он уже старый и съезженный, довели мужика...»

Приходил он домой усталый, но без уныния, с искорками в глазах. Вставал на пороге, подпирая головой косяк, говорил Вашеку и Сёге: "Ну что, мужики, жизнь продолжается?" Они повисали на нем справа и слева. Сёга сперва стеснялся делать это, а потом привык. "Висят груши – невымытые уши", – сипловато сообщал папа и нес мальчишек в комнату, стряхивал на диван. Мама только головой качала: три сорванца...

Правда, так бывало не всегда. После неудачных операций отец возвращался сумрачный и ложился на диван сам. Лицом к стене. Уже потом, осторожно, мама выпрашивала: что там произошло? Но такие возвращения случались не часто.

А вот сегодня Евгений Евгеньевич Горватов пришел домой – туча тучей. Сразу стало ясно: прыгать на отца не следует. Все трое – мама, Вашек и Сёга – смотрели на него тревожно и вопросительно.

Оказалось, что дело не в хирургических неудачах. И папа не стал отмалчиваться. Наоборот, он грохнул кулаком по косяку и сразу объяснил:

– Эта сс... скотина Рытвин... Ведь уже обзавелся несчитано виллами и мерседесами, по заграницам мотается как только хочет, денег невпроворот, с золотых унитазов не слазит, а все ему мало!

Оказалось, что больницу скорой помощи, где отец был ведущим хирургом, собираются закрыть. Будто бы на ремонт. И ремонт этот подрядился делать всем известный "олигарх губернского масштаба" Андрей Андреевич Рытвин. Не сам, конечно, а его всякие фирмы. Ну и ладно, делал бы, ведь больница в самом деле обветшала. Но тут же стало известно, что после ремонта медики в это известное всему городу здание не вернутся, там будет устроен роскошный отель...

– "Международного класса"! – Отец опять стукнул по косяку. – Андрей Андреич будет качать с него прибыли, кое-что перепадет областным властям, поэтому они двумя руками ухватились за проект... А куда денут сложившийся за десятки лет коллектив? Оборудование? Лучший в области ожоговый центр? Операционную? Рассуют по районным клиникам!.. А куда станут привозить пострадавших во всяких взрывах и ДТП? В эти самые клиники, где все коридоры и кладовки забиты больными?..

– Женя, да успокойся ты... – попросила мама.

– Я *совершенно спокоен*, – заверил отец и хотел третий раз врезать по косяку. Посмотрел на кулак, пожимал, поразжимал пальцы, вздохнул. Пригладил волосы.

– Вот такая жизнь, мужики... Сплошное светлое будущее...

– Но есть же областное правительство, – неуверенно сказала мама.

– Конечно, есть! И там заявили, что "у слухов нет оснований". Мол, после ремонта больница въедет туда снова. А губернатор сообщил журналистам, что "все это – нагнетание обстановки и предвыборная политическая провокация". Только все уже, даже глухая санитарка тетя Глаша, знают, что будет отель. И название известно. "Жемчужный парус". Каково, а?

– Безвкусица какая, – сказала мама. Но папу это не утешило.

– Да разводил бы он любую безвкусицу на другом месте! А то ведь подавай ему больницу! Оно и понятно: место самое выгодное. Архитектура – как в княжестве Монако... А нам сказали, что надо вытряхиваться из помещения до сентября.

– И главное так внезапно... – пожалела мама и отца, и больницу.

– Специально! Чтобы не успели опомниться и начать всякие протесты... Ладно, мы все равно повоюем!

– Вот такой ты мне нравишься, – одобрила мама. – А чтобы воевать, надо вовремя ужиматься. Умывайся и ступай на кухню. Вы, голубчики, тоже. И никаких "не хочу"...

За столом отец, все еще сердито посапывая, рассказал, что сегодня он сделал удачную операцию пенсионеру Глазову. Операцию сперва не разрешали, главный врач говорил, что нет нужды спешить, можно оперировать в городской больнице, в плановом порядке. Но плановая операция – это бешеные деньги, откуда они у старика? А если в скорой помощи, то, значит, срочная и бесплатная...

– Ну, я поднапёр на нашего Семёныча, главврача. Он все же мужик неплохой, кой-какая совесть у него есть...

Сёга выглянул из-за синей кружки с простоквашей.

– Папа, а у этого, у Рытвина... у него совсем-совсем никакой совести нет? – Он задавал иногда неожиданные вопросы.

Отец черенком вилки поскреб заросший висок.

– Тему надо рассматривать философски... Возможно, какая-то совесть у него и у таких, как он, есть. Но она не применима к нормальным человеческим понятиям. Другая она... Вот, например, отстрел конкурентов стал в их кругах уже не преступлением, а обычным приемом в разрешении деловых конфликтов. Не успеваем оперировать всяких боссов и телохранителей. И это ведь лишь те, кого не напавал...

Мама кашлянула и глазами показала на Сёгу: не травмируй ребенка. Отец тоже покашлиал, спохватился:

– Ох, я и забыл! Я тебе, Сергей, такую лошадь раздобыл! – Он спешно выбрался из-за стола, ушел из кухни и тут же вернулся с желтой шахматной лошадкой в узловатых пальцах. У нее была улыбчивая, озорная мордашка. Сёга засветился, шевельнул губами: «Спасибо». Взял лошадку в две ладони, поднес к лицу, зашептал что-то. Мама, отец и Вашек быстро переглянулись. Отец опять кашлянул и сообщил:

– Ты не сомневайся, она с *той самой* клетки. Я ее собственноручно в кабинете у Валерия Семеныча спер. То есть сначала спер, а потом признался, что реквизировал... Вашек, ты уж смастери дубликат, я обещал. Сделаешь?

– Та-а... – с удовольствием отозвался Вашек.

Но "лошадкина радость" не совсем отключила Сёгу от тревог. Он поднял лицо, глянул на всех по очереди, выдохнул тихонько:

– Вот если бы больница стояла на Треугольной площади...

– М-м... ну и что тогда? – осторожно спросил Евгений Евгеньевич.

– Было бы хорошо. Там не бывает зла... – И Сёга стал гладить мизинцем прядки деревянной гривы.

Новые встречи

На следующее утро после встречи с Вашеком Белка проснулась рано. Лежала и думала о Вашеке... Да нет же, не так, как обычно девочки думают о мальчишках: ах, какой он, мол, привлекательный, как он будет ко мне относиться, если подружмся, и нет ли уже у него знакомых девчонок, и что он, интересно, думает про меня... Ну, честное же слово, не так! Вашек был частью *всего*, что случилось вчера, когда с неслышным звоном туда-сюда прогнулось несколько раз окружающее пространство. Он был неотрывен от загадочных кварталов, от своего названного брата Сёги с его тяжкой судьбой, от солнечных часов посреди Треугольной площади, от самолетиков со стрекозиными крыльями (один такой самолетик сейчас висел на нитке над Белкиной кроватью)...

Ну, а если уж совсем-совсем по правде, то все-таки думалось и просто о Вашеке. О том, что он добрый и симпатичный. Вроде бы на первый взгляд ничего особенного, а... ну, в общем, ясно...

Белка томила в ожидании часа, когда можно позвонить Вашеку. В девять, наверно, еще рано. Может, он спит допоздна. Или просто подумает с недовольством: во какая нетерпеливая. Может, у него других дел полно, а про Белку он и не помнит...

Но в половине десятого, наверно, уже можно... А чтобы время не ползло, а двигалось нормально, Белка пропылесосила комнату и вычистила на кухне сковородки, чем немало удивила маму:

– С тобой все в порядке?

– Нет, ну это надо же! – картинно вознегодовала Белка. – Стоит сделать что-нибудь полезное, как тут же подозревают в шизофрении!

Вашеку она позвонила в девять двадцать пять. Он откликнулся сразу – хорошо так, обрадованно:

– Белка? Привет! Как дела?

– Я нашла конёчка. Лошадку то есть. Могу принести...

– Давай! А когда?

– Когда хочешь! Хотя сейчас... – и примолкла испуганно (а в общем-то ведь не трусиха).

– Давай! – опять обрадовался Вашек. – Через полчаса у солнечных часов! Идет!

– Идет! – отозвалась она уже без робости. И решила на вопрос:

– А Сёга... он как?

– А чего ему! – откликнулся Вашек (явно с расчетом на Сёгу). – Вон болтается опять на кольцах, как сушеная вобла на солнышке. И язык показывает... Мы вместе придем!

Белка чуть не опоздала к часам. Потому что слегка заплутала. Казалось бы, где там можно заблудиться? Прошла в открытые ворота надвратной башни и топай прямо до часов, которые видны издали. Однако выяснилось, что не видны! На пути оказался дощатый забор, который тянулся наискосок и как бы отжимал Белку (и других прохожих) к правой стороне площади – к небольшим домам с магазинчиками и мастерскими. Забор выглядел необыкновенно. Его высокие доски были покрыты белой краской, а снизу к ним оказались приколочены в особом порядке черные узкие досочки – ростом Белке до пояса. И получилась почти бесконечная клавиатура этакого великанского фортепьяно... Ну и ну! Внутри у Белки даже зазвучало что-то из классики – не то Рахманинов, не то Шопен. И опять – дзын-нь! – дало знать о себе пространство.

Ну ладно, забор забором, а справа тоже многое было незнакомо. Во-первых, почудилось Белке, что среди торговых лавок, ателье и парикмахерских много не тех, что были вчера. Во-вторых, за невысокими крышами, изгородями и покрытыми пухом тополями (которых вчера Белка тоже не заметила) подымался каменный дом со стрельчатыми окнами и старинного вида

фронтами. Белка узнала здание музея. Неясно только было, почему он *там*. Казалось бы, должен он стоять дальше и правее...

И вот что совсем уже было непонятно – это горящие на солнце кресты и маковки небольшой церкви. Откуда она взялась? Белка была уверена, что, кроме большого, всем известного собора, храмов поблизости нет. Может быть, эту церковь построили или восстановили совсем недавно? А раньше, когда не было крестов и колоколни, ее просто не видели с городских улиц?

Белка озадаченно помотала головой (отчего перекошились очки) и пошла вдоль гигантской клавиатуры. (А! Это не Шопен! Это вторая часть бетховенской сонаты номер восемь!.. Спокойный и ласковый мотив...) Наконец «музыкальный» забор кончился и все сделалось знакомым – красные институтские корпуса, водонапорная башня вдали, косой «плавник» солнечных часов... И наконец она увидела братьев!

Сперва – Сёгу. Он издали был похож на стартовый флажок, верхняя часть древка у которого украшена белым волосатым шариком. И почти сразу из-за часов появился Вашек. Заулыбался, пошел навстречу. А Сёга за ним, в двух шагах. Смотрел он прямо перед собой, руки держал за спиной, длинные ломкие ноги ставил твердо – ну, сама независимость.

Белка с двух шагов протянула на ладони лошадку:

– Вот... вчера отыскала... – Шахматный конь был крупный, поблескивал коричнево-желтым деревом – сразу видно: каким-то непростым, нездешним (может, пальмовым?). Головка была вырезана очень тщательно: тонкие прядки гривы и челки, живые глазки... Даже крохотные зубы можно было различить между приоткрытых губ.

Независимость и важность вмиг слетели с Сёги, он подскочил:

– Это мне?

– А кому же... – усмехнулась Белка.

– Насовсем?

Она сделала вид, что чуть-чуть обиделась:

– Ну, неужели подразню и отберу?

– Спа-асибо... – Сёга бережно, как птенца, взял шахматную лошадку в ладони. Зачем-то подышал на нее. Поднял на Белку серые, с голубыми проблесками глаза. Она почему-то смутилась.

– Это с той самой клетки, с «Же-один», ты не сомневайся.

– Я вижу... Спа-асибо...

Белка заметила это растянутое «а» в слове «спасибо» – как в «та-а» у Вашека. Вашек же решил не упускать воспитательный момент:

– А кто вчера говорил всякие вредности? "Тили-тили"...

Сёга сморщил остренький нос. Шумно втянул им воздух. В этом звуке была осознанная виноватость, просьба о прощении и обещание никаких «вредностей» с этой поры не говорить. И... да нет, больше, кажется, ничего не было.

Белка ощутила желание ласково растрепать его белые волосы (странным, вроде никогда она не была сентиментальной). Это желание она молниеносно и сурово подавила и покосилась на Вашека: не учуял ли он *такого*? Вашек сказал:

– А нога-то как? Не болит?

– Что?.. Ой, да я и думать забыла!

Сёга между тем уселся на приподнятую площадку часов. Поставил каблучки желтых полуботинок на каменный край, подтянул к подбородку колени, на правом утвердил Белкину лошадку, а на левом – еще одну, поменьше, он достал ее из кармашка. Видимо, устраивал знакомство. Потом он ткнул их мордашками в еще одну лошадку – ту, что была вышита белыми и желтыми нитками на футболке. Видимо, это был какой-то ритуал.

Вашек и Белка тоже сели (а что еще было делать?). Сёга оказался слева от Белки, Вашек справа.

Было тепло и ясно, как накануне. Пролетали пушинки, в высоко-высоко стояли белые, как вата, облака – они не закрывали солнца и обещали долгую хорошую погоду. Припекало, но не сильно... Поодаль проходили с рынка тетушки, бегали со змеем ребята, несколько девочек прыгали через веревку. Но все это не нарушало обступившую солнечные часы тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.